
РАЗВОД
С ГЕНЕРАЛОМ
Ты сам разрешил мне любовника
Павел Лимонов

Павел Лимонов

Развод с генералом. Ты сам разрешил мне любовника

«Автор»
2026

Лимонов П.

Развод с генералом. Ты сам разрешил мне любовника / П. Лимонов — «Автор», 2026

— Я хочу другую женщину, Вера. Но разводиться с тобой не собираюсь.После двадцати двух лет брака мой муж, генерал-майор Константин Лазарев, предложил открытый брак. Он увлекся другой женщиной. А мне великодушно разрешил завести любовника.Только Константин не учел одного: я могу согласиться.И я встретила Данилу. Мужчину, с которым снова захотелось красивых платьев, долгих поцелуев и совместных утр. Он не обещал мне серьезных отношений. Но я влюбилась.Когда муж понял, что я больше не жду его возвращения домой, он захотел отменить собственные правила.— Ты сам разрешил мне любовника, Кость.Я выбрала развод. Только Данила испугался, когда понял, что наши встречи могут превратиться в настоящую совместную жизнь.Я ушла от мужа не ради любовника. Я впервые выбрала себя.Но сможет ли мужчина, которому были нужны только свидания без обязательств, полюбить меня настолько, чтобы захотеть остаться?

© Лимонов П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. После ужина 5
Глава 2. Мои условия 25
Глава 3. Первое свидание 46
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Павел Лимонов
Развод с генералом. Ты сам разрешил мне любовника

Глава 1. После ужина

В тот вечер Константин приготовил форель с лимоном, купил мое любимое вино и попросил убрать ноутбук со стола.

Последнее меня насторожило.

— Кость, у меня осталось четыре страницы.

— Они от тебя не убегут.

— Ты плохо знаешь наших авторов. Этот уже третий раз переписывает финал. Если я не отправлю правку сегодня, завтра у нас снова воскреснет убитый во второй главе дедушка.

Муж заглянул в экран через мое плечо.

— Может, он выжил?

— После двух выстрелов в голову?

— Упорный старик.

Я рассмеялась.

Константин улыбнулся, наклонился и поцеловал меня в макушку. От него пахло дорогим гелем для душа и розмарином. Рубашка была расстегнута у горла, рукава закатаны до локтей.

В пятьдесят два года мой муж оставался красивым мужчиной. Не той ухоженной красотой, которую можно купить вместе с абонементом в дорогой спортивный клуб. У него было лицо человека, привыкшего мало спать, много думать и не жаловаться. Седина появилась на висках еще до сорока. Сейчас ее стало больше, но Константину она шла.

Я по-прежнему любила смотреть на него.

Особенно когда он не замечал.

— Еще пять минут, — попросила я.

— Три.

— Генерал, вы опять командуете гражданским населением.

— Я восемь месяцев как в запасе.

— А привычки остались.

Он провел ладонью по моей спине и ушел на кухню.

Я посмотрела вслед.

За двадцать один год брака мы успели пожить в четырех городах, пережить несколько длинных разлук, вырастить дочь и трижды всерьез поссориться из-за того, где будем встречать Новый год.

Мы умели быть семьей.

В последние месяцы, правда, что-то изменилось.

После выхода Константина в запас я представляла нашу жизнь иначе. Думала, мы наконец начнем просыпаться вместе по выходным, ходить в кино не по большим праздникам, ездить куда-нибудь без привычного уточнения, не появилось ли срочных дел.

Первые недели так и было.

Потом муж начал скучать.

Он не признавался, но я видела.

Человек, привыкший к напряженному расписанию и ответственности за других людей, вдруг обнаружил, что в десять утра никто не ждет его распоряжений. У него появились кон-

сультации, встречи, общественные проекты. Константин охотно за них брался, но домой все равно возвращался раньше прежнего.

Иногда я заставала его в кабинете за столом. Он смотрел в выключенный монитор с таким выражением, словно пытался решить задачу, к которой никто не выдал условий.

Я старалась не мешать.

Это было одной из наших семейных привычек: если Константин молчал, я ждала, когда он сам захочет поговорить.

Раньше такой подход работал.

По крайней мере, мне так казалось.

— Вера! — позвал муж. — Ты собираешься сегодня ужинать?

Я сохранила документ и закрыла ноутбук.

— Иду!

На кухне пахло рыбой, запеченными овощами и теплым хлебом.

Константин накрыл стол у окна. Достал бокалы, которые мы обычно берегли для гостей, разложил салфетки и даже поставил маленькую вазу с белыми тюльпанами.

Я остановилась в дверях.

— У нас сегодня праздник?

— А нужен повод?

— Для тюльпанов, нормальных бокалов и твоего отказа от телевизора? Желательно.

— Просто хороший вечер.

— Тогда я хочу знать, что ты разбил.

Он хмыкнул.

— Ничего.

— Продал мою машину?

— Вера.

— Купил другую?

— Садись.

Я села напротив.

Он налил немного вина, поставил передо мной тарелку и вернулся за своей.

За окном шел мелкий апрельский дождь. На стекле отражалась кухня: теплый свет, белая скатерть, мужские плечи в темной рубашке.

Мне нравились такие вечера.

В молодости мы могли месяцами жить ожиданием единственного совместного выходного. Константин приезжал поздно, я подогревала ужин, Полина спала в соседней комнате, а мы сидели на кухне и разговаривали обо всем подряд.

Потом возникали новые обязанности, деньги, ремонты, болезни родителей, университет дочери. Все это мы переживали вместе.

Поэтому мне не требовалось ежедневных признаний в любви.

Достаточно было знать, что он вернется.

— Как у тебя с рукописью? — спросил Константин.

— Убийцу вычислили еще в середине, но автор об этом не знает.

— А ты?

— Я знаю больше, чем мне хотелось бы. Например, что все герои ходят в ресторан каждые сорок минут, но никто никогда не работает.

— Может, они обеспеченные?

— У всех ипотека.

Муж рассмеялся.

— Жестоко ты с ними.

— Я еще не начала.

Он положил мне дополнительный кусочек рыбы.

— Не надо, я сама возьму.

— Ты сегодня толком не обедала.

— Обедала.

— Бутерброд за компьютером не считается.

— С каких пор?

— С тех самых, когда ты стала ругаться на мою привычку пить кофе вместо завтрака.

Я покачала головой.

Его внимательность состояла из подобных мелочей. Он не всегда помнил, на какой день я записалась к парикмахеру, зато мог среди ночи привезти лекарство, когда у меня начиналась мигрень. Не любил длинных разговоров о чувствах, но никогда не забывал, что я мерзну в машине, и заранее включал подогрев моего сиденья.

Мне казалось, что это надежнее красивых слов.

Мы поужинали почти спокойно.

Поговорили о Полине, которая собиралась на летнюю практику. Обсудили течь у соседей сверху. Константин рассказал, что его снова приглашали консультировать проект реконструкции старого офицерского клуба.

— Ты согласился? — спросила я.

— Пока нет.

— Почему?

— Есть вопросы по финансированию. Не хочется подписываться под тем, что потом заморозят.

— Тебе нравится этот проект?

Он задумался.

— Да.

— Тогда попробуй.

— Посмотрим.

Он отодвинул тарелку, взял бокал, но пить не стал.

Я заметила, как он провел большим пальцем по стеклу.

Константин делал так, когда собирался сказать что-то неприятное.

— Вер, нам нужно поговорить.

Я посмотрела на него.

— О чем?

— О нас.

В животе неприятно сжалось.

— Что случилось?

— Ничего такого, из-за чего нужно пугаться.

Я поставила вилку.

— Ты только что сказал фразу, после которой люди обычно пугаются.

Он тяжело выдохнул.

— Я хочу поговорить с тобой спокойно.

— Тогда говори.

Константин помолчал.

Потом поднял глаза.

— Ты не чувствуешь, что мы за последние годы стали больше друзьями, чем мужем и женой?

Я не сразу поняла вопрос.

— В каком смысле?

— В самом обычном.

— Нет, Кость. Объясни.

Он сложил руки на столе.

— Мы хорошо живем. Нам удобно вместе. Мы любим Полину, у нас общий дом, общие привычки. Я знаю, что могу на тебя положиться. Ты тоже это знаешь.

— Пока ничего ужасного не услышала.

— Но между нами давно нет прежней страсти.

Я посмотрела на бокал.

Оказывается, к разговору о страсти можно подготовить форель.

— Прежней, какой? — спросила я.

— Вера, ты понимаешь.

— Нет, я хочу понять, о каком времени идет речь. О первых месяцах нашего романа? Или о годе, когда Полина была маленькой и мы спали по четыре часа?

— Не надо сразу защищаться.

— Я не защищаюсь. Я спрашиваю.

Он откинулся на спинку стула.

— Мы редко занимаемся любовью.

— Это правда.

— И ты сама редко этого хочешь.

Я почувствовала, как к лицу прилила кровь.

— А ты часто предлагаешь?

Константин посмотрел в сторону окна.

Вопрос ему не понравился.

— Дело не в том, кто первый.

— Тогда в чем?

— В том, что мы перестали быть друг для друга новыми.

Я невольно усмехнулась.

— Кость, мы женаты почти двадцать два года. Я знаю, как ты чистишь зубы, чем пахнешь после тренировки и какой рукой ищешь меня ночью. Откуда взяться новизне?

— Вот именно.

Он сказал это очень тихо.

И я впервые испугалась по-настоящему.

— У тебя кто-то есть?

Константин не отвел взгляд.

— Есть женщина, которая мне нравится.

Я смотрела на него, ожидая продолжения.

Где-то за стеной заработала дрель. Соседи делали ремонт уже третий месяц и обычно умудрялись выбрать для него самое неподходящее время.

Раньше я злилась.

Сейчас мне отчаянно захотелось, чтобы они не прекращали.

— Ты с ней спишь? — спросила я.

— Нет.

— Кость.

— Я говорю правду.

— Вы целовались?

— Нет.

Я медленно выдохнула.

Он подался вперед.

— Именно поэтому я и хочу поговорить сейчас. Пока ничего не произошло.

— А что уже произошло?

Константин несколько секунд подбирал слова.

— Мы познакомились на одном из мероприятий по проекту клуба. Ее зовут Инга. Она архитектор. Сначала обсуждали работу, потом начали общаться.

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько времени вы общаетесь?

— Около трех месяцев.

Я посмотрела на календарь, висевший возле холодильника.

Три месяца.

Я вспомнила январь. Нашу поездку к друзьям за город. Как Константин помогал мне вытолкнуть машину из снега, а потом смеялся, пока я отряхивала его куртку.

Февраль.

Он подарил мне новые наушники, потому что я постоянно жаловалась на старые.

Март.

Мы выбирали подарок Полине на день рождения, спорили из-за цвета, вечером лежали рядом и смотрели сериал.

Все это время существовала Инга.

Женщина, которой он писал сообщения, пока я спрашивала, купить ли ему что-нибудь к чаю.

— Три месяца, — повторила я.

— Да.

— И ты решил рассказать мне только сейчас?

— Мне нужно было самому разобраться.

— Разобрался?

Он сжал пальцы.

— Кажется, да.

Мне захотелось встать.

Я не встала.

— Сколько ей лет?

— Тридцать семь.

Шесть лет разницы.

Не пропасть.

Но, когда услышала цифру, почему-то сразу вспомнила свои сорок три.

Последнюю седую прядь, которую заметила утром. Морщинку возле рта. То, что в этом месяце дважды отказывалась от близости, потому что не могла оторваться от работы.

Я ненавидела себя за эти мысли.

Ни одна из них не объясняла происходящего.

— Она знает, что ты женат?

— Конечно.

— И что ты мне говоришь?

— Пока нет.

Я кивнула.

Мне было неприятно, что о моем браке теперь можно говорить как о деле, которое обсуждают двое людей, а третьему собираются сообщить результаты.

— Ты хочешь развестись?

Константин резко поднял голову.

— Нет.

Ответ прозвучал без колебаний.

— Тогда чего ты хочешь?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Я хочу, чтобы мы остались семьей.

— И?

— И чтобы у каждого из нас была возможность получать то, чего ему не хватает.

Сначала я подумала, что неправильно услышала.

— В каком смысле?

— В обычном. Мы взрослые люди. У нас хороший брак, Вера. Я не хочу его разрушать.

— Ты предлагаешь мне согласиться на твою любовницу?

Он поморщился.

— Я бы не хотел называть ее так.

— А как? Внештатный специалист по твоему личному счастью?

— Вера.

— Тогда объясни словами, которые я пойму.

Константин провел ладонью по лицу.

— Я предлагаю попробовать открытые отношения.

Я растерянно засмеялась: несколько секунд не могла придумать другого ответа.

— Открытые отношения?

— Да.

— После двадцати одного года брака?

— После двадцати одного года брака мы должны понимать, сколько всего между нами есть.

— И поэтому ты хочешь спать с другой женщиной?

— Не только поэтому.

— Хорошо. Давай без обтекаемых формулировок. Ты хочешь встречаться с Ингой, заниматься с ней сексом, ездить куда-нибудь, проводить время. А вечером возвращаться домой, ко мне.

Константин выдержал мой взгляд.

— Да.

Я кивнула.

— Спасибо, что хотя бы сейчас ответил прямо.

Он потянулся к моей руке.

Я убрала ладонь со стола.

Константин остановился.

— Я понимаю, что тебе неприятно это слышать.

— Неприятно, когда в кафе приносят холодный кофе. А это немного другое.

Он промолчал.

Мне хотелось закричать.

Спросить, не сошел ли он с ума. Бросить в него салфетку. Выбежать из квартиры, хлопнув дверью.

Но меня держало другое чувство.

Любопытство.

Страшное, ненужное, совершенно неуместное.

Я хотела понять, как человек, который двадцать с лишним лет называл меня своей единственной женщиной, пришел к такому предложению.

И почему он выглядит так, будто искренне надеется на разумный разговор.

— Скажи, — начала я. — Ты вообще представлял, как я отреагирую?

— Я понимал, что тебе будет тяжело.

— И все равно приготовил рыбу?

— При чем здесь рыба?

— Не знаю. Просто пытаюсь выяснить, что у тебя было в голове.

Он потер переносицу.

— Я много думал об этом.

— Один?

— Конечно.

— А почему не со мной? Раз ты считаешь нас друзьями.

Константин тяжело вздохнул.

— Потому что сначала хотел разобраться в себе.

— Три месяца разбирался?

— Вера, я не хочу превращать этот разговор в допрос.

Я отодвинула бокал.

— А во что ты хочешь его превратить? В обсуждение удобного расписания?

— Нет.

— Тогда объясни, что будет с нами.

Он некоторое время молчал.

— Я люблю тебя.

Вот тут мне стало по-настоящему больно.

Не от признания про Ингу.

Не от возраста женщины.

От этих трех слов.

Я слышала их редко, но всегда верила.

— Кость, не надо.

— Почему?

— Потому что я пока не понимаю, что они означают.

Он опустил взгляд.

Я обхватила себя руками.

— Ты любишь меня и хочешь другую.

— Да.

— И не видишь в этом противоречия.

— Вижу. Но не считаю, что одно обязательно уничтожает другое.

— А если я считаю?

— Мы и пытаемся это обсудить.

Снаружи посигналила машина.

Я посмотрела на часы.

Девять вечера.

Еще час назад я думала, что после ужина мы посмотрим фильм. Возможно, Константин обнимет меня на диване, я положу голову ему на плечо и засну до финальных титров.

Теперь мне предстояло решить, могу ли я быть женой человека, который собирается целовать другую.

— Ты сказал, что открытые отношения предполагают свободу для каждого, — произнесла я.

— Да.

— Для меня тоже?

Константин чуть заметно напрягся.

— Разумеется.

— То есть я тоже могу завести любовника?

Он помолчал.

Совсем недолго.

Но я заметила.

— Если ты этого захочешь, да.

— Я могу знакомиться с мужчинами?

— Да.

— Ходить с ними в рестораны?

— Вера, я же сказал.

— Проводить с ними ночи?

Он поставил бокал.

— Если мы договоримся, что такие отношения для нас допустимы, то да.

Я смотрела на него.

Мой муж был человеком последовательным.

Если он принимал решение, то обычно не отказывался от него при первом неудобном вопросе.

И все же сейчас мне показалось, что Константин впервые представил меня не просто согласной женой, а женщиной, которая действительно может пойти на свидание.

— А если я приведу любовника домой?

— Я бы не хотел, чтобы посторонние люди появлялись в нашей спальне.

— Значит, не все можно.

— Тогда и я не буду никого приводить. Это нормально.

— А если я останусь у мужчины до утра?

Он выдохнул.

— Ты собираешься сейчас перечислить все возможные варианты?

— Я собираюсь понять, что ты мне предлагаешь.

— Хорошо. Да. Ты можешь оставаться у другого мужчины. Как и я у другой женщины. Если мы заранее об этом договоримся.

— А если я буду проводить с ним выходные?

— Вера...

— Что?

— Я не понимаю, зачем ты спрашиваешь именно так.

— А как надо? Знаешь, я никогда не была замужем за мужчиной, который разрешал мне любовника. У меня нет опыта таких разговоров.

Константин нахмурился.

— Я никому ничего не разрешаю. Ты взрослый человек.

— Тогда почему мы сейчас это обсуждаем?

— Потому что мы женаты.

— Именно.

Я замолчала.

На столе остывала рыба.

Мы уже не ели.

Константин смотрел на меня настороженно. Наверное, ждал привычного решения. Вера рассердится, выговорится, задаст десять вопросов, потом постарается понять.

Я действительно часто его понимала.

Когда он отменял поездки.

Когда уезжал в командировки на несколько недель.

Когда забывал о моих планах, потому что его собственные оказывались важнее.

Я не считала себя жертвой.

За эти годы у нас было много хорошего. И я сама принимала решения оставаться, переезжать, строить эту жизнь.

Но сейчас меня впервые попросили понять не необходимость.

Желание.

— Кость, — произнесла я, — зачем тебе это?

Он посмотрел на меня с усталостью.

— Я пытаюсь объяснить.

— Нет. Ты объясняешь, как это устроить. А я спрашиваю, зачем тебе такие отношения со мной.

Он молчал.

Я продолжила:

— Ты говоришь, что между нами нет прежней страсти. Но мы еще не старые. У нас больше нет маленького ребенка. Мы можем ездить куда хотим, спать до обеда, заниматься любовью в любое время. Нам не нужно подстраиваться под твои бесконечные дежурства. Почему мы не можем попробовать что-нибудь изменить вдвоем?

Константин провел ладонью по затылку.

— Мы можем.

— Тогда почему вместо этого ты предлагаешь мне другого мужчину?

— Потому что я встретил Ингу.

Ответ был до обидного простым. Я опустила глаза.

Он наконец сказал правду целиком. Не абстрактная потребность в свободе и не философия современных отношений — конкретная женщина. Она появилась раньше идеи открытого брака, а предложение возникло потому, что Константин хотел и ее, и меня.

— Ты влюбился? — спросила я.

— Не знаю.

— Но хочешь узнать.

Он кивнул.

Я почувствовала, как что-то сжалось у меня под ребрами.

— И заодно проверить, выдержит ли наш брак.

— Я надеюсь, что выдержит.

— А если нет?

Константин внимательно посмотрел на меня.

— Вера, я не собираюсь уходить из семьи.

— Я не об этом спрашиваю.

— А о чем?

— Если я не выдержу?

Он отвел глаза.

Впервые за весь разговор у него не нашлось ответа сразу.

Я подумала, что ему действительно не приходило в голову, что можно потерять человека, никуда от него не уходя.

— Тогда будем разбираться, — сказал он наконец.

— Вот как.

— Что ты хочешь услышать?

Я честно подумала.

Наверное, мне хотелось, чтобы он встал, обошел стол и сказал, что все это глупость. Что никакой Инги ему не нужно. Что он не представляет, как может просыпаться рядом с другой женщиной.

Но я не могла требовать признания, которого он не чувствовал.

И это злило сильнее всего.

— Я хочу знать, что будет, если я скажу нет.

Константин выпрямился.

— Тогда я не стану начинать отношения с Ингой.

— Ты перестанешь с ней общаться?

— Прекращу личное общение. По работе мы можем пересекаться, но я не буду искать с ней встреч.

Я посмотрела ему в глаза.

— И не станешь потом напоминать, от чего отказался ради меня?

— Нет.

— Уверен?

— Вера, я не могу доказать тебе заранее, как буду вести себя через год. Но я не хочу тебя обманывать.

Я кивнула.

В этом была неприятная честность.

Он не угрожал уходом и не ставил ультиматум — оставлял решение за мной. Только от этого мне не становилось легче.

Константин хотел, чтобы я согласилась добровольно.

И я прекрасно понимала, каким будет его разочарование, если откажу.

— Ты уже говорил с ней об этом? — спросила я.

— О чем именно?

— О том, что хотел бы встречаться с ней, оставаясь моим мужем.

— Я говорил, что женат и не собираюсь разводиться.

— А она?

— Сказала, что не хочет участвовать в обмане.

Я невольно подняла брови.

— Какая предусмотрительная женщина.

— Не надо ее оскорблять.

Я замерла.

Константин тоже понял, как прозвучала эта фраза.

— Я не это имел в виду.

— Нет, именно это.

— Вера...

— Ты только что сообщил мне, что хочешь спать с другой женщиной, а теперь защищаешь ее чувства от меня.

Он потер лоб.

— Извини.

Я встала.

Стул скрипнул по полу.

Константин сразу поднялся следом.

— Куда ты?

— Налью воды.

— Я могу...

— Сама.

Я подошла к мойке, открыла кран и долго держала стакан под холодной струей.

За моей спиной было тихо.

На кухонной полке стояла керамическая сахарница с отколотой ручкой. Мы купили ее в нашем первом совместном отпуске. Я тогда настояла, что вещь необыкновенно красивая, а Константин сказал, что совершенно не понимает, зачем везти через полстраны сахарницу.

Через полгода он случайно ее разбил.

Потом склеил.

Мы пользовались ею до сих пор.

Я смотрела на неровный шов и чувствовала нелепое желание заплакать именно из-за сахарницы.

Не из-за Инги.

Не из-за предложения.

Из-за того, что невозможно прожить с человеком столько лет и просто перестать любить его по требованию.

— Вер.

Константин подошел, но остановился в двух шагах.

— Я не хотел сделать тебе больно.

Я закрыла кран.

— А как ты думал? Что я обрадуюсь?

— Нет.

— Тогда не говори так, будто результат оказался неожиданным.

Он ничего не ответил.

Я поставила стакан на столешницу.

— Ты с ней счастлив?

Константин помедлил.

— Мне интересно с ней.

— Это не одно и то же.

— Я знаю.

— Когда вы видитесь?

— Обычно днем. Пару раз ужинали после встреч.

Я повернулась.

— Ты говорил мне об этих ужинах?

Он задумался.

— Наверное, нет.

— А когда вернулся поздно в конце февраля и сказал, что задержался на совещании?

Константин побледнел совсем немного.

Но я заметила.

— Тогда мы действительно были на встрече по проекту. Потом остались в кафе.

— Вдвоем?

— Да.

Я медленно кивнула.

— Значит, ты все-таки меня обманывал.

— Я не считал нужным рассказывать, с кем именно ужинал.

— Ты прекрасно понимал, что я бы спросила зачем.

— Возможно.

Он произнес это без попытки оправдаться.

И почему-то мне стало еще хуже.

— Ладно, — сказала я.

— Что ладно?

— Пока ничего. Я не могу сейчас продолжать.

Константин смотрел на меня.

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

Я посмотрела на мужа. На его рубашку, закатанные рукава, маленькую складку между бровями.

Он был у себя дома.

Я тоже.

За двадцать один год мы так и не научились делить слово «наш» на две части.

— Нет. Я хочу побыть одна.

— Хорошо.

Он отошел.

Потом остановился у двери.

— Вер, я не рассчитывал, что ты согласишься прямо сегодня.

Я медленно повернулась.

— Но рассчитывал, что соглашусь?

Константин промолчал.

Мне хватило этого молчания.

Я прошла мимо него в ванную и прикрыла за собой дверь.

Несколько минут стояла перед зеркалом.

Смотрела на женщину в домашней блузке, с растрепавшимися волосами и лицом, которое совершенно не соответствовало происходящему.

Я почему-то ожидала увидеть себя другой — постаревшей за несколько минут, сломленной. Но отражение оставалось привычным.

Серо-зеленые глаза, тонкая линия между бровями, небольшая родинка возле подбородка.

Волосы давно пора было подстричь.

На левой руке блестело обручальное кольцо.

Я коснулась его пальцем.

Мне было сорок три года.

Я не считала этот возраст концом молодости. У меня были желания, планы, работа, подруги. Я любила красивое белье, покупала себе платья, иногда специально выбирала маршрут до издательства так, чтобы пройти мимо хорошей кофейни.

Но женщиной, на которую смотрят с желанием, я в последнее время себя почти не чувствовала.

Не потому, что муж отказывался от близости.

Константин по-прежнему обнимал меня, иногда целовал в шею, мог провести ладонью по бедру, когда мы смотрели телевизор.

Только все это стало частью привычного порядка.

Как чашка кофе по утрам.

Или его ботинки у двери.

Я сама не замечала, когда перестала прислушиваться к собственному телу.

В ванной лежало новое белье, купленное два месяца назад.

Темно-синее, с тонким кружевом.

Я собиралась надеть его в один из наших свободных вечеров, но тогда Константин задержался, потом у меня разболелась голова, а на следующий день мы оба устали.

Белье так и осталось в ящике.

Сейчас я вдруг подумала, что больше не хочу надевать его ради мужа.

Это было мелочно и несправедливо, но мысль доставила мне неожиданное удовлетворение.

Я умылась прохладной водой и промокнула лицо полотенцем.

Потом услышала звонок телефона.

— Вер! — позвал Константин из коридора. — Полина звонит!

Я закрыла глаза.

Конечно.

Кто еще мог позвонить именно сейчас?

Наша дочь училась в Москве, на третьем курсе. Звонила обычно поздно вечером, когда возвращалась в общежитие или заканчивала учебные задания.

Я любила эти звонки.

Сегодня мне захотелось спрятаться от собственного ребенка.

— Иду! — ответила я.

В коридоре Константин протянул мне телефон.

На экране светилось имя дочери.

Я поправила волосы и нажала на видеосвязь.

— Привет, моя хорошая.

— Мам, привет. Вы дома?

— Нет, мы на Луне. Связь дорогая, говори быстрее.

Полина рассмеялась.

На экране появилось ее лицо. Волосы были собраны в небрежный пучок, на носу сидели огромные очки.

В комнате за ее спиной виднелась сушилка с бельем.

— Очень смешно. Папа рядом?

— Рядом.

Константин подошел ко мне.

Я почувствовала его ладонь на своей талии.

Обычно это было естественно.

Сейчас захотелось отстраниться.

Но на экране смотрела дочь.

Я осталась стоять.

— Привет, командир, — сказал Константин.

— Пап, не называй меня так.

— Тогда не командуй.

— Я не командую. У меня вопрос.

— Слушаю.

— Ты говорил, что поможешь узнать насчет практики.

Константин слегка нахмурился.

— Я попросил прислать тебе контакт. Завтра уточню.

— Ты уже неделю уточняешь.

— Полин, я помню.

— Хорошо. Только не надо никому звонить и объяснять, что я твоя дочь. Я сама буду устраиваться.

Он посмотрел на меня.

Я едва заметно улыбнулась.

Это был наш давний семейный спор.

Константин считал, что помогать ребенку нужно при каждой возможности.

Полина считала, что после такой помощи ее перестанут воспринимать всерьез.

Они любили друг друга, но сталкивались примерно раз в месяц.

— Я только узнаю, к кому обращаться, — сказал муж.

— Вот именно. Больше ничего.

— Договорились.

Полина посмотрела на меня.

— Мам, а ты чего молчишь?

— Любуюсь вами.

— Угу. Ты всегда так говоришь, когда мы спорим.

— Потому что очень вас люблю. Но участвовать отказываюсь.

— Кстати, у нас стиральная машина сломалась.

— В общежитии?

— Да. Уже второй раз за месяц. Мы с девчонками сегодня ходили в прачечную.

— Я надеюсь, ты не собираешься просить меня отремонтировать ее из Петербурга, — сказал Константин.

— Нет, пап. Я собираюсь пожаловаться.

— Тогда слушаю.

Полина заговорила быстро и возмущенно.

О неисправной машине. О соседке, которая оставила мокрые вещи на общей сушилке. О преподавателе, перенесшем срок сдачи задания.

Я слушала и кивала.

Константин время от времени задавал вопросы.

Снаружи все выглядело как обычный семейный вечер.

Муж.

Жена.

Дочь на экране телефона.

Никто не кричал.

Никто не уходил.

И только я знала, что десять минут назад обсуждала с отцом этой девочки возможность завести любовника.

— Мам, — сказала Полина, когда мы попрощались, — ты какая-то уставшая.

Я заставила себя улыбнуться.

— Много работала.

— Тогда иди отдыхай. И папу заставь. А то он опять будет до двух ночи читать новости.

— Обязательно.

— Люблю вас.

— И мы тебя, — ответил Константин.

Связь оборвалась.

Я медленно опустила телефон.

Его ладонь все еще лежала на моей талии.

— Убери руку, пожалуйста, — сказала я.

Константин сразу отстранился.

— Прости.

Я прошла в спальню.

За моей спиной он выключил свет в коридоре.

Я села на край кровати.

На прикроватной тумбочке лежала книга, которую читала уже вторую неделю. Рядом стоял стакан воды, валялся карандаш без колпачка, зарядный провод свисал почти до пола.

Сторона Константина выглядела иначе.

Часы.

Телефон.

Ровно сложенная одежда.

Даже дома он умудрялся поддерживать порядок, который мне казался совершенно недостижимым.

В молодости я над ним смеялась.

Теперь заметила, как сильно меня успокаивало то, что его вещи всегда лежали на своих местах.

Я знала, где искать мужа в темноте.

Просто протянуть руку.

И все же сегодня эта мысль не успокаивала.

Я вспомнила, как мы познакомились.

Мне было двадцать один, ему тридцать.

Он приехал к знакомым на день рождения. Высокий, серьезный, в темном свитере. Почти весь вечер молчал, а потом неожиданно спросил, почему я так яростно спорила с человеком, с которым вроде бы была согласна.

Я ответила, что он неправильно понял предмет спора.

Константин улыбнулся.

Через неделю мы встретились снова.

Он пригласил меня в кино, но мы опоздали на сеанс, потому что застряли в пробке. Потом гуляли под дождем, пили ужасный кофе из бумажных стаканчиков и целовались возле закрытого цветочного магазина.

Я до сих пор помнила, как он тогда смотрел на меня.

Внимательно.

С каким-то почти мальчишеским удивлением.

Будто не мог поверить, что я действительно стою рядом и позволяю ему себя обнимать.

Дома я не могла уснуть до утра.

Потом были встречи, звонки, первая совместная ночь.

Переезды.

Свадьба в июле.

Рождение Полины.

Я никогда не жалела, что вышла за него.

Даже в самые трудные годы.

Константин не был идеальным мужем, но и я не была идеальной женой.

Мы ссорились.

Однажды почти две недели разговаривали друг с другом только о дочери и бытовых делах. Причина теперь казалась смешной: он решил, что нам стоит переехать, не спросив, хочу ли я оставлять работу.

Тогда я впервые сказала, что не обязана следовать за ним в любой город.

Он разозлился.

Потом извинился.

Мы нашли другое решение.

Позже я еще не раз вспоминала ту ссору, когда мне казалось, что Константин снова слишком легко распоряжается нашей общей жизнью.

И все же я доверяла ему.

Он мог ошибаться.

Но никогда не казался мне человеком, способным спокойно предложить жене делить его с другой женщиной.

Дверь спальни тихо открылась.

Константин остановился на пороге.

— Можно?

Я посмотрела на него.

— Это твоя спальня.

— Я спрашиваю, можно ли сейчас войти.

Я кивнула.

Он подошел к шкафу, достал чистую футболку, потом сел в кресло возле окна.

Мы молчали.

За стеной шумела вода в трубах.

С улицы доносились голоса.

Константин повернул в руках футболку.

— Я не хотел, чтобы ты узнала об Инге от кого-то другого.

— Спасибо.

Он поморщился.

— Вер, я серьезно.

— Я тоже. Просто пока не понимаю, за что должна тебя благодарить.

Муж поставил локти на колени.

— Ты не должна.

Я долго смотрела на него.

Потом спросила:

— Она красивая?

Он закрыл глаза.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что я не хочу сравнивать вас.

— А ты сравниваешь?

Константин посмотрел на меня.

— Иногда.

Слова ударили неожиданно сильно.

Я отвернулась.

Он сразу заговорил:

— Вера, я не сравниваю, кто лучше. Это другое.

— Знаешь, лучше бы ты соврал.

— Ты весь вечер просишь меня говорить правду.

— Да. Наверное, просто не представляла, какая она неприятная.

Он замолчал.

Я машинально поправила покрывало на кровати.

— Ты меня еще хочешь? — спросила я.

Константин поднял голову.

— Конечно.

— Не говори «конечно». Ответь нормально.

— Да, Вера. Я тебя хочу.

Я сжала пальцы.

— Когда в последний раз ты об этом думал?

Он задумался.

И мне стало почти смешно.

Даже сейчас, когда я задала прямой вопрос, мой муж пытался найти точный ответ.

— На прошлой неделе, — сказал он наконец.

Я вспомнила.

Мы лежали в кровати. Он обнял меня, поцеловал в шею, а я сказала, что должна закончить главу до утра.

Он отпустил.

Потом уснул.

Возможно, это действительно была наша общая проблема.

Только решить ее Константин предложил так, что мне захотелось никогда больше не раздеваться перед ним.

— А почему ты тогда ничего не сказал?

— Я не хотел настаивать.

— Я бы не обиделась, если бы ты сказал, что скучаешь по мне.

— Я не думал, что тебе это нужно.

Я посмотрела на него.

— Вот видишь. Ты очень многое обо мне не думал.

Он опустил глаза.

Мне было тяжело видеть его виноватым.

Это тоже оказалось неприятным открытием.

Я хотела злиться, не испытывая одновременно желания подойти и обнять.

— Давай я сегодня посплю в кабинете, — предложил Константин.

Я кивнула.

Он встал.

Подошел к кровати, протянул руку к моим волосам, но вовремя остановился.

— Вера, мне жаль, что разговор получился таким.

— А я не уверена, что он мог получиться другим.

Он стоял совсем близко.

Я знала, что сейчас могу попросить его остаться.

Могу сказать, что ничего не хочу слышать об Инге, что нам нужно забыть этот ужин и попробовать вернуться к прежней жизни.

И, возможно, он согласится.

На какое-то время.

Но после трех месяцев переписки, разговоров и встреч другая женщина не исчезнет просто потому, что я запрещу о ней думать.

Мне придется жить с этим знанием.

И ему тоже.

— Кость.

— Да?

— Мне нужно время.

— Сколько?

Я задумалась.

— Две недели.

— Хорошо.

— За это время никаких свиданий с Ингой.

— Хорошо.

— И никаких разговоров о том, что я должна понять тебя быстрее.

Он кивнул.

— Договорились.

Я посмотрела на его лицо.

— Ты ведь правда готов услышать отказ?

— Да.

— Даже если он тебе не понравится?

— Даже тогда.

Я поверила.

Не потому, что теперь доверяла ему во всем.

Просто слишком хорошо знала его характер. Если Константин давал прямое обещание, обычно он его выполнял.

Он уже подошел к двери, когда я остановила его.

— Еще кое-что.

Константин обернулся.

— Ты сказал, что я тоже могу встречаться с другими мужчинами.

— Да.

— Ты представлял, что я действительно это сделаю?

Он долго смотрел на меня.

Затем ответил:

— Честно? Не особенно.

Я усмехнулась.

Вот теперь мы наконец добрались до самого интересного.

— Почему?

— Потому что я знаю тебя.

— В каком смысле?

— Ты никогда не проявляла интереса к другим мужчинам.

— При тебе.

Константин замер.

Я сама удивилась своим словам.

Произнесла их без подготовки, почти автоматически.

Но забирать обратно не захотела.

— Что это значит? — спросил он.

— То, что я была замужем. И вела себя соответственно.

Он нахмурился.

— У тебя был кто-то?

— Нет.

— Тогда к чему ты это сказала?

Я пожала плечами.

— К тому, что верность не обязательно означает отсутствие желания. Иногда человек просто делает выбор.

Константин смотрел на меня иначе, чем минуту назад.

Впервые за вечер я увидела в его глазах не уверенность, не вину и не раздражение.

Растерянность.

— Вера, я не хотел...

— Спокойной ночи, Кость.

Он помолчал.

— Спокойной ночи.

Дверь тихо закрылась.

Я осталась одна.

Несколько минут сидела неподвижно.

Потом встала, переоделась и легла.

Сон не шел.

Я слышала, как Константин прошел в кабинет, как щелкнула настольная лампа, как где-то в коридоре зазвонил его телефон.

Муж ответил негромко.

Я не разбирала слов.

И впервые за много лет поймала себя на желании прислушаться.

Мне стало стыдно.

Я перевернулась на другой бок и натянула одеяло до подбородка.

Через несколько минут снова села.

На тумбочке лежал телефон.

Я взяла его, открыла переписку с Лидой и набрала:

«Ты когда-нибудь думала об открытом браке?»

Посмотрела на сообщение.

Стерла.

Написала другое:

«Можно я завтра к тебе приеду? Нужно поговорить».

Лида ответила почти сразу.

«Конечно. Что случилось?»

Я несколько секунд смотрела на экран.

Потом написала:

«Пока сама не поняла».

Она прислала адрес кафе рядом со своим домом и спросила, подойдет ли полдень.

Я согласилась.

После этого положила телефон экраном вниз.

С улицы доносился шум дождя.

Я попробовала представить себе развод.

Отдельную квартиру.

Переезд.

Разговор с Полиной.

Одинокие вечера, в которые никто не спросит, почему я опять работаю допоздна.

Мне стало страшно.

Я не хотела терять дом.

Не хотела переставать быть женой Константина Лазарева.

Не хотела объяснять дочери, что родители больше не будут встречать праздники вместе.

Мне была дорога наша жизнь.

И все же одна мысль не давала покоя.

За ужином Константин несколько раз повторил, что предлагает мне такую же свободу, какую хочет получить сам.

Он говорил спокойно.

Уверенно.

Почти великодушно.

И только когда я спросила о ночах с другим мужчиной, на его лице впервые появилось сомнение.

Я снова вспомнила наш разговор.

«Ты тоже можешь завести любовника».

Двадцать один год я не позволяла себе всерьез представлять другого мужчину рядом.

Иногда замечала красивых людей. Могла улыбнуться чьему-то комплименту. Однажды на рабочем вечере незнакомец пригласил меня на танец, и я отказалась, хотя очень хотелось.

Мне нравилось быть верной мужу.

Я считала это не ограничением, а собственным решением.

Теперь Константин предлагал отказаться от привычного правила.

Я могла сказать нет.

Могла потребовать, чтобы он прекратил общение с Ингой.

Могла согласиться и постараться никогда не спрашивать, где он проводит вечера.

А могла принять предложенные условия всерьез.

Последняя возможность пугала меня едва ли не сильнее остальных.

Потому что я вдруг поняла: за двадцать один год брака почти забыла, каково это — ждать свидания с мужчиной, который еще не знает, где у меня лежат запасные ключи.

Не знать заранее, как он поцелует.

Не угадывать следующую фразу.

Не быть привычной.

И не знать, чем все закончится.

Я повернула голову к пустой половине кровати.

Обычно Константин лежал справа.

Если я просыпалась ночью, достаточно было протянуть руку, чтобы коснуться его плеча.

Сегодня там никого не было.

Мне стало одиноко.

Я даже заплакала немного, уткнувшись лицом в подушку.

А потом вытерла глаза и снова вспомнила его слова.

Он действительно разрешил мне любовника.

Наверное, муж думал, что я никогда не воспользуюсь этим разрешением.

Еще утром я и сама была бы в этом уверена.

Но теперь впервые за много лет задала себе вопрос, от которого стало и страшно, и странно интересно.

А что, если я все-таки захочу другого мужчину?

Глава 2. Мои условия

Утром Константин сварил мне кофе.

Обычно я вставала раньше него. За годы службы он привык просыпаться затемно, но после выхода в запас неожиданно полюбил поспать. Я же настолько привыкла работать по утрам, что даже в выходные открывала глаза около семи.

Сегодня все получилось наоборот.

Я почти не спала, несколько раз вставала попить воды, а под утро наконец провалилась в тяжелый сон.

Когда вышла на кухню, было уже половина десятого.

Константин сидел за столом в спортивных брюках и футболке. Перед ним лежал планшет. Он что-то читал, время от времени делая пометки в блокноте.

Увидев меня, сразу отложил ручку.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Кофе будешь?

— Буду.

Он встал и достал мою любимую чашку.

Я села на привычное место.

На столе стояла тарелка с сырниками. Рядом лежала сметана, которую Константин всегда забывал доставать из холодильника заранее.

Все было настолько обычным, что на несколько секунд я усомнилась в собственной памяти.

Может, никакого разговора вчера не было?

Может, мне приснилось, что муж предложил мне любовника?

Потом Константин поставил передо мной чашку и спросил:

— Как ты?

Я подняла глаза.

Нет, не приснилось.

— Плохо.

Он кивнул.

— Понимаю.

— Не уверена.

Муж сел напротив.

— Вер, я вчера много думал.

Я напряглась.

— И?

— Я понимаю, что не должен был начинать разговор так.

— С форели?

Он слабо улыбнулся.

— С готового предложения. Надо было сначала поговорить о нас.

— А ты хотел?

— Что?

— Поговорить о нас. До появления Инги.

Константин не ответил сразу.

Я отломила кусочек сырника.

Есть не хотелось, но желудок настойчиво напоминал, что вчерашний ужин закончился раньше времени.

— Наверное, недостаточно, — признал муж.

Я оценила ответ.

По крайней мере, он не начал доказывать, что много раз пытался достучаться до меня, пока я занималась рукописями и стиральной машиной.

— Ты ей вчера звонил? — спросила я.

— Нет.

— А телефон ночью?

— Звонил Андрей. По поводу клуба.

Андрей руководил проектом реконструкции, в котором участвовал Константин.

Я кивнула.

— Хорошо.

— Вера, я обещал тебе две недели.

— Я помню.

Он придвинул ко мне сметану.

Мне вдруг захотелось спросить, не собирается ли он теперь четырнадцать дней вести себя как образцовый муж.

Готовить завтраки, покупать цветы, целовать меня в макушку.

А потом получить разрешение на другую женщину.

Но я промолчала.

Константин никогда не любил притворяться. Возможно, он действительно заботился обо мне, как и прежде.

Самое неприятное заключалось в том, что его чувства ко мне не исчезли.

Он не стал чужим.

Если бы стал, наверное, было бы легче.

— Сегодня я встречаюсь с Лидой, — сказала я.

— Хорошо.

— И буду рассказывать ей о нашем разговоре.

Он поднял глаза.

— Все?

— То, что сочту нужным.

Константин немного помолчал.

— Я надеялся, что пока мы оставим это между собой.

— А я надеялась, что мы будем спать только друг с другом.

Он отвел взгляд.

Я пожалела о резкости почти сразу.

Но извиняться не стала.

В конце концов, Лида была моей подругой почти пятнадцать лет. Когда у нее умер отец, я провела с ней три дня. Когда моя мать сломала шейку бедра, Лида взяла часть моей работы, чтобы я могла ездить в больницу.

Если мне нельзя было рассказать ей о собственном браке, кому тогда можно?

— Я не собираюсь обсуждать подробности нашей интимной жизни со всеми знакомыми, — добавила я. — Но мне нужен человек, с которым можно поговорить.

Константин кивнул.

— Согласен.

Я допила кофе.

Потом посмотрела на часы.

Рабочий день давно начался.

— Мне пора.

— Я могу тебя отвезти.

— Не надо. Поеду сама.

Он не стал настаивать.

Когда я выходила из квартиры, Константин подошел к двери.

Раньше он обязательно целовал меня перед уходом.

Я видела, что он вспомнил об этом.

Но сегодня муж ограничился словами:

— Хорошего дня, Вер.

— И тебе.

На лестничной площадке я остановилась возле лифта.

За дверью остался человек, которого я любила больше двадцати лет.

А мне впервые совершенно не хотелось возвращаться домой.

В издательстве пахло кофе, бумагой и новой краской.

Две недели назад в соседнем помещении закончили ремонт. Теперь там располагался маленький конференц-зал с нелепым названием «Творческая лаборатория».

Я считала, что слово «лаборатория» слишком громкое для комнаты с шестью стульями и постоянно заедающим проектором.

Сама я работала в кабинете на троих.

Мое место находилось у окна. На столе стояли два монитора, чашка с надписью «Не исправляйте меня» и небольшая фотография Полины.

Коллеги уже разошлись по делам.

Я открыла вчерашнюю рукопись.

Дедушка, которого автор собирался воскресить, по-прежнему лежал в морге.

Это обнадеживало.

Я прочитала первую страницу.

Потом вторую.

На третьей обнаружила, что не помню ни слова из предыдущих.

Закрыла документ.

Посмотрела в окно.

По тротуару шла девушка в ярко-красном пальто. Рядом с ней молодой мужчина нес два бумажных стакана. Девушка что-то сказала, он рассмеялся и чуть не пролил кофе.

Я наблюдала за ними, пока они не скрылись за углом.

Когда-то мы с Константином тоже так ходили.

Он всегда покупал мне слишком горячий кофе.

Я жаловалась.

Он предлагал подуть.

Смешная привычка.

Почему-то именно ее я сейчас вспомнила.

Телефон завибрировал.

Лида.

«Ты сегодня какая-то загадочная. Не передумала приезжать?»

Я ответила:

«Нет. Приеду к двенадцати».

Потом открыла таблицу с личными расходами.

Сначала просто из любопытства: хотелось понять, сколько стоит жизнь отдельно от мужа. Не в красивых рассуждениях о независимости, а в рублях.

Нашу квартиру мы купили двенадцать лет назад. Тогда Константин уже занимал высокую должность, я много работала и брала дополнительные редакторские проекты.

Ипотеку закрыли три года назад.

Квартира была совместно нажитым имуществом. Моя доля никуда не исчезала только потому, что муж получал больше.

Но делить жилье прямо сейчас мне совершенно не хотелось.

Я открыла сайт с объявлениями.

Однокомнатная квартира в хорошем районе стоила столько, что я поморщилась. Варианты подешевле выглядели так, словно хозяева специально фотографировали их в самое мрачное время суток.

На одном снимке возле дивана стоял огромный искусственный пальмовый куст.

На другом хозяева оставили в кадре кошку.

Кошка мне понравилась больше квартиры.

Я сохранила три объявления.

Потом посчитала доходы.

В издательстве я получала сто двадцать восемь тысяч рублей после налогов. Дополнительные редакторские заказы приносили по-разному, но в среднем еще двадцать-тридцать тысяч в месяц.

Из этих денег я могла оплачивать аренду, продукты, машину, помогать Полине.

Не могла жить с прежним размахом.

Не могла каждую неделю ужинать в дорогих ресторанах, спонтанно покупать билеты на самолет и не смотреть на стоимость коммунальных услуг.

Зато могла уйти.

Я долго смотрела на итоговую цифру. Подавать на развод я пока не собиралась, но впервые после вчерашнего разговора мне стало немного легче дышать: у меня был настоящий выбор. Такой, который не исчезает, когда надо платить за квартиру.

В полдень я приехала к Лиде.

Она ждала меня в кафе возле своего дома.

Лида всегда появлялась раньше назначенного времени, а потом утверждала, что это все остальные опаздывают.

Сегодня на ней были светлые джинсы, черная блузка и длинные серьги, которые она купила после очередного обещания больше не тратить деньги на украшения.

— Ты выглядишь ужасно, — сообщила подруга вместо приветствия.

— Спасибо. Ради этого стоило ехать через весь город.

— Я серьезно. Ты спала?

— Немного.

Лида отодвинула стул.

— Садись. Я заказала тебе капучино.

Я села.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Полина?

— С ней все хорошо.

— Мама?

— Тоже.

— Константин?

Я невольно улыбнулась.

— Попала.

Лида перестала улыбаться.

— Что случилось?

Я взяла чашку.

Несколько секунд смотрела на молочную пенку.

Потом сказала:

— Муж предложил мне открытый брак.

Лида медленно положила ложку.

— Что?

— Открытый брак.

— Я слышала.

— Тогда зачем переспрашиваешь?

— Потому что пытаюсь убедиться, что мы говорим об одном и том же.

Я отпила кофе.

— Видимо, об одном.

Лида несколько секунд смотрела на меня.

— У него любовница?

— Пока нет. По крайней мере, он так говорит.

— Но женщина есть?

— Есть.

— И что он предлагает?

Сначала я рассказала коротко, потом добавила подробности: о трех месяцах общения с Ингой, о том, что Константин хочет сохранить семью, о взаимной свободе и ночах вне дома.

Лида слушала почти не перебивая.

Когда я закончила, она откинулась на спинку стула.

— А чего хочешь ты?

Я растерялась.

— Не знаю.

— Вер, только не отвечай мне, чего хочет Константин. Я поняла.

— Я хочу сохранить семью.

— Это одно желание. А еще?

Я посмотрела на нее.

— Ты сейчас тоже предложишь мне завести любовника?

— Нет. Я предложу тебе сначала понять, нужен ли он тебе самой.

Лида взяла чашку.

— Если ты согласишься только ради того, чтобы Костя не ушел, ничего хорошего не получится.

— Он не собирается уходить.

— Я помню. Он собирается оставаться женатым и встречаться с другой женщиной.

— Ты говоришь так, будто это обязательно ужасно.

— Я пока ничего не говорю. Я спрашиваю, что будешь делать ты.

Я потерла лоб.

— Я не представляю.

— Тогда не соглашайся, пока не представишь.

Мы помолчали.

Лида отломила кусочек круассана.

— Ты его любишь?

— Да.

— Он тебя?

Я задумалась.

— Думаю, да.

— Тогда почему не попробовать разобраться с вашим браком вдвоем?

— Я вчера спрашивала его об этом.

— И?

— Он сказал, что мы можем попробовать. Но он уже встретил Ингу.

Лида выругалась.

Негромко, но весьма выразительно.

Я неожиданно рассмеялась.

— Вот именно так я тоже подумала.

— Слушай, — сказала подруга. — Меня сейчас интересует не эта Инга. Я ее не знаю и знать не хочу. Меня интересует, почему ты всерьез рассматриваешь предложение, от которого тебе больно.

Я посмотрела в окно.

По тротуару спешила женщина с коляской. Ребенок кричал. Женщина пыталась одновременно разговаривать по телефону и поправлять одеяло.

— Потому что не хочу разводиться, — призналась я.

— Это понятно.

— И еще...

Я замолчала.

Лида ждала.

— Еще мне стало интересно.

— Что именно?

Я почувствовала себя глупо. В сорок три года, со взрослой дочерью и почти двадцатью двумя годами брака за плечами, я сидела перед лучшей подругой и боялась признаться, что могу заинтересоваться другим мужчиной.

— Иногда мне кажется, что я уже никому не понравлюсь, — сказала я.

Лида нахмурилась.

— Ты серьезно?

— Да.

— Вера, ты красивая женщина.

— Спасибо.

— Я не комплимент тебе делаю.

— Знаю.

— Тогда в чем проблема?

Я пожала плечами.

— Константин меня знает. Он видел меня беременной, больной, злой, в растянутой футболке. Ему не нужно ничего объяснять. Он просто привык ко мне.

— И?

— И иногда я сама не понимаю, нравлюсь ему или он просто любит привычное.

Лида задумалась.

— А ты хочешь нравиться кому-то новому?

Я долго не отвечала.

Потом кивнула.

— Наверное.

Подруга отложила круассан.

— Вот теперь мы наконец разговариваем о тебе.

Я улыбнулась.

Но через несколько секунд улыбка исчезла.

— Только я не знаю, смогу ли.

— Что именно?

— Встречаться с другим мужчиной. Целоваться. Раздеваться перед ним. Потом возвращаться домой к Косте.

Лида посмотрела на меня очень внимательно.

— А ты уверена, что обязана возвращаться?

— Мы же женаты.

— Я не про сегодня. Я про то, что будет, если тебе такая жизнь не понравится.

Я посмотрела на нее.

— Ты думаешь, мы все равно разведемся?

— Я ничего не знаю. И ты тоже. Поэтому тебе нужны свои условия. Не только его желание видеть Ингу и твое обещание быть понимающей женой.

Мы сидели почти два часа.

Лида не уговаривала меня разводиться, не предлагала немедленно завести молодого любовника и не объявляла Константина чудовищем.

Она просто задавала вопросы, на которые у меня не было готовых ответов.

Что я буду делать, если муж начнет проводить с Ингой каждые выходные?

Смогу ли спокойно слушать, как он собирается на свидание?

А если мне понравится другой мужчина?

Что мы скажем Полине?

Как будем расходовать общие деньги?

Что произойдет, если кто-то из нас влюбится?

Последний вопрос задел особенно сильно.

— Костя говорит, что наши отношения останутся прежними.

— А ты ему веришь?

Я вспомнила вчерашний разговор.

— Он сам в это верит.

— Это не одно и то же.

Я ничего не ответила.

Когда мы собирались уходить, Лида вдруг спросила:

— Слушай, а ты ведь никогда не была на настоящем свидании после двадцати одного года?

— Если не считать встречи с риелтором, то нет.

Подруга остановилась.

— С каким еще риелтором?

Я рассказала про утренние расчеты.

Лида улыбнулась.

— Вот это мне уже нравится.

— Что именно?

— Ты не сидишь и не ждешь, когда за тебя все решат.

Я застегнула пальто.

— Пока я только смотрю объявления.

— С этого тоже можно начать.

Возле выхода подруга остановила меня.

— И еще. Через две недели, в субботу, приходи ко мне на день рождения.

— Ты же говорила, что не хочешь отмечать.

— Передумала. Соберу человек десять, закажу еду. Никаких торжественных речей.

— А Костю приглашать?

Лида посмотрела на меня.

— Я приглашаю тебя. С ним вы сами разберетесь.

Я кивнула.

Тогда я еще не знала, насколько важным окажется этот вечер.

Следующие дни я прожила словно в двух разных жизнях.

В одной все оставалось прежним.

Я работала, готовила ужины, звонила дочери, ругалась с автором детектива из-за воскресшего дедушки.

В другой постоянно думала о том, что происходит с моим браком.

Константин вел себя осторожно.

Не заговаривал об Инге.

Не пытался обнять меня без разрешения.

Спрашивал, какие продукты купить, уточнял, во сколько я вернусь.

Однажды вечером мы вместе смотрели старую комедию.

Я рассмеялась над знакомой сценой, а он машинально положил руку мне на колено.

На несколько секунд я забыла обо всем.

Повернулась к нему.

Константин посмотрел на меня с такой нежностью, что у меня защипало глаза.

Я могла бы подвинуться ближе.

Обнять.

Поцеловать.

Он явно хотел этого.

Но я вспомнила Ингу.

Представила, что когда-нибудь он будет точно так же сидеть возле другой женщины, смеяться, прикасаться к ее колену.

И отодвинулась.

Константин сразу убрал руку.

Фильм мы досмотрели молча.

На шестой день я поехала смотреть квартиру.

Никому не сказала, кроме Лиды.

Риелтор встретила меня возле подъезда старого кирпичного дома на Петроградской стороне.

Женщина лет пятидесяти в ярком платке быстро рассказывала о преимуществах района.

— До метро восемь минут, магазины рядом, соседи тихие. Хозяйка готова оставить всю мебель.

Мы поднялись на третий этаж.

Квартира оказалась маленькой.

Одна комната с диваном, письменным столом и шкафом. Кухня, где двум людям пришлось бы постоянно уступать друг другу дорогу. В ванной едва помещалась стиральная машина.

Зато окна выходили в зеленый двор.

На подоконнике лежала забытая кем-то деревянная подставка под цветочный горшок.

— Можно здесь поставить книжный стеллаж? — спросила я.

Риелтор удивилась.

— Конечно. Если не будете сверлить стены.

Я подошла к окну.

Во дворе мужчина выгуливал маленькую собаку. Та упрямо пыталась запрыгнуть на скамейку, а хозяин терпеливо ждал.

Я представила свой рабочий стол возле окна.

Чашку кофе.

Книги.

Тихий вечер.

Никто не спросит, почему я еще не приготовила ужин.

Никто не будет мешать, если захочу работать до полуночи.

И никто не обнимет меня сзади, пока я буду мыть посуду.

От этой мысли стало одновременно легко и тоскливо.

— Вам подходит? — спросила риелтор.

Я обернулась.

— Пока смотрю.

— У нас еще два просмотра сегодня.

Я улыбнулась.

— Тогда не буду задерживать.

На улице шел небольшой дождь.

Я раскрыла зонт и медленно пошла к машине.

Квартира стоила пятьдесят шесть тысяч в месяц. Еще столько же требовалось внести в качестве залога.

Мне хватало денег.

Даже с учетом помощи Полине.

Я могла переехать.

Не сейчас.

Но если понадобится.

Села в машину и долго смотрела на мокрое лобовое стекло.

Потом достала телефон.

Константин прислал сообщение:

«Куплю продукты. Что хочешь на ужин?»

Я набрала:

«Ничего особенного».

Посмотрела на ответ.

Стерла.

Написала:

«Давай сделаем пасту. Я куплю сыр».

Он ответил почти сразу.

«Договорились».

Я убрала телефон.

И вдруг поняла, что сегодня впервые подумала о жизни без мужа не только со страхом.

Мне было интересно, какой она может оказаться.

Вечером мы готовили пасту вместе.

Константин нарезал помидоры, я терла сыр.

Несколько минут мы разговаривали о работе.

Потом муж спросил:

— Ты уже что-нибудь решила?

Я выключила плиту.

— Пока нет.

Он кивнул.

— Хорошо.

Я посмотрела на него.

— Кость, а если я откажусь, ты действительно перестанешь общаться с Ингой?

— Да.

— Совсем?

— Личные встречи и переписку прекращу. По работе пересекаться, возможно, придется.

— И будешь счастлив?

Он перестал резать помидоры.

— Не знаю.

Ответ оказался хуже, чем я ожидала.

— Значит, не будешь.

— Вера, я не могу обещать тебе счастье по расписанию.

— А мне придется жить рядом с человеком, который считает, что я лишила его чего-то важного?

— Я так не говорил.

— Но можешь начать думать.

Константин положил нож.

— Ты хочешь, чтобы я отказался от своего предложения?

Я задумалась.

Раньше я была бы уверена.

Да.

Разумеется.

Пусть Инга исчезнет.

Пусть все снова станет прежним.

Но теперь я знала, что прежнее уже невозможно.

Даже если Константин завтра удалит номер Инги, я не смогу забыть, что он три месяца думал о другой женщине.

И дело было не только в ревности.

Я сама начала думать о том, чего раньше себе не позволяла.

— Я хочу разобраться, — ответила я.

— Хорошо.

— И чтобы ты перестал смотреть на меня так, будто я держу тебя под домашним арестом.

Константин удивленно поднял брови.

— Я так смотрю?

— Иногда.

Он помолчал.

Потом улыбнулся.

— Постараюсь исправиться.

Я тоже улыбнулась.

На несколько минут между нами снова стало спокойно.

Но ночью, когда муж ушел спать в кабинет, я долго лежала в темноте.

И думала о том, что наши отношения уже изменились.

Не из-за Инги.

Из-за того, что впервые за много лет я начала всерьез представлять жизнь, в которой Константин не был центром моих решений.

На десятый день мы поссорились.

Причиной стал обычный телефонный звонок.

Я сидела в гостиной с ноутбуком, когда Константин вышел из кабинета.

— Вер, я ненадолго отъеду. Нужно забрать документы у Андрея.

— Хорошо.

Он взял ключи.

Потом зачем-то добавил:

— Инги там не будет.

Я подняла глаза.

— А я спрашивала?

— Нет. Просто решил сказать.

— Ты теперь будешь каждый раз уточнять, где ее нет?

Константин остановился.

— Я пытаюсь быть честным.

— Тогда будь честным. Ты хочешь ее увидеть?

Он посмотрел на меня.

— Да.

У меня пересохло во рту.

Я отложила ноутбук.

— И ты собираешься?

— Нет. Мы же договорились.

Я кивнула.

Но именно этот разговор разозлил меня сильнее, чем само предложение открытого брака.

Я резко встала.

— Знаешь, Кость, я устала чувствовать себя человеком, который мешает тебе получить желаемое.

Он нахмурился.

— Я ни разу тебя в этом не обвинял.

— Не нужно. Я и так вижу.

— Что ты видишь?

— Как ты ждешь моего решения.

— Конечно, жду. Ты попросила две недели.

— А если я скажу нет?

— Мы уже обсуждали.

— Тогда ты останешься со мной. А я буду знать, что ты хотел другую.

Константин положил ключи на полку.

— Вера, я не могу изменить то, что уже чувствую.

— Я знаю!

Я повысила голос.

Он замолчал.

Я отвернулась к окну.

Мне хотелось плакать от злости, от бессилия, оттого, что в нашем разговоре не было простого решения, которое устроило бы нас обоих.

Константин подошел ближе.

— Вер, я не собираюсь тебя бросать.

Я обернулась.

— А если я сама захочу уйти?

Он застыл.

— Ты хочешь развестись?

— Я спрашиваю.

— Зачем?

— Потому что ты говоришь только о том, что не собираешься уходить. А я хочу понять, допускаешь ли ты, что могу уйти я.

Он некоторое время смотрел на меня.

— Допускаю.

— Правда?

— Конечно. Ты не моя собственность.

Я горько усмехнулась.

— Очень великодушно.

— Вера, что бы я ни сказал, тебя все равно не устроит.

— Возможно.

Мы замолчали.

Потом Константин тихо произнес:

— Я не хочу тебя терять.

Я посмотрела на него.

Впервые за эти дни он выглядел не раздраженным и не виноватым.

Испуганным.

И мне стало его жалко.

Я знала, как это бывает: человек придумывает решение, которое кажется разумным, а потом вдруг понимает, что жизнь не обязана подчиняться его расчетам.

— Тогда почему ты все это начал? — спросила я.

Константин опустил голову.

— Потому что хотел и сохранить нас, и попробовать что-то новое.

— А если не получится?

— Не знаю.

Он произнес это так устало, что я больше не стала спорить.

Мы стояли друг напротив друга посреди гостиной.

Не враги.

Не чужие.

Просто два человека, которые много лет любили друг друга и теперь не знали, что делать со своими желаниями.

Через несколько минут Константин уехал.

Я вернулась к ноутбуку.

Открыла документ.

Прочитала одну строчку.

Потом закрыла.

Работать сегодня уже не получалось.

В последний вечер нашего двухнедельного срока я сама предложила поговорить.

Константин вернулся домой около семи.

Я попросила его не начинать ужин.

— Сначала давай решим, как будем жить.

Он посмотрел на меня.

— Ты определилась?

— Да.

Мы сели за кухонный стол.

На этот раз без вина, тюльпанов и праздничных бокалов.

Передо мной лежал лист бумаги.

Константин заметил его и невольно улыбнулся.

— Ты составила список?

— Да.

— Не удивлен.

— Я двадцать лет составляю списки, чтобы не забывать важное.

— Двадцать один.

Я подняла на него глаза.

Он улыбнулся.

Мне вдруг стало очень грустно.

Даже сейчас Константин помнил точное количество наших совместных лет.

— Кость, — начала я, — я готова попробовать.

Он не сразу ответил.

— Ты уверена?

— В том, что хочу прожить так всю оставшуюся жизнь? Нет.

— Тогда почему?

Я посмотрела на лист.

— Потому что не хочу разводиться прямо сейчас. Потому что мне важно сохранить нашу семью. И потому что я сама хочу понять, что для меня значит свобода, о которой ты говоришь.

Константин внимательно слушал.

— Но у меня есть условия, — продолжила я.

— Какие?

Я придвинула лист ближе.

— Первое. Свобода действительно взаимная. Мы не выбираем партнеров друг другу и не требуем разрешения на каждое свидание.

Он кивнул.

— Согласен.

— Второе. Если кто-то собирается не ночевать дома, предупреждает заранее.

— Разумно.

— Третье. Никого не приводим сюда.

— Абсолютно согласен.

— Четвертое. Мы не отменяем друг другу заранее согласованные планы только потому, что появилась возможность встретиться с другим человеком.

Константин чуть нахмурился.

— Иногда могут возникать обстоятельства.

— Конечно. Как и сейчас. Но если мы договорились вместе поехать к Полине, нельзя за два часа сообщить, что у тебя свидание.

— Хорошо.

Я перевернула лист.

— Общие деньги не тратим на дорогие подарки другим людям. Не оплачиваем из семейного бюджета поездки, украшения и прочие удовольствия.

— У нас достаточно личных средств.

— Вот ими и распоряжаемся.

Он кивнул.

— Дальше?

— Другие партнеры должны знать, что мы женаты. И что это наше совместное решение.

— Да.

— Вопросы здоровья и предохранения обсуждаем заранее. Не хочу потом узнавать о проблемах, которых можно было избежать.

Константин посмотрел на меня серьезнее.

— Согласен.

Я сделала паузу.

Последний пункт дался мне труднее остальных.

— И самое главное. Если одному из нас такая жизнь перестанет подходить, мы можем отказаться.

— Конечно.

— Нет, Кость. Послушай внимательно.

Он замолчал.

— Если ты передумаешь, это не означает, что я обязана немедленно отказаться от своих отношений. И наоборот. Мы будем обсуждать, что делать дальше. Возможно, решим расстаться.

Константин долго смотрел на меня.

— Ты уже представляешь, что у тебя кто-то появится?

Я выдержала его взгляд.

— Пока нет.

— Тогда почему именно это условие?

— Потому что ты сам сказал, что хочешь честных отношений.

Он медленно кивнул.

— Да.

— Значит, давай будем честными до конца.

Он взял лист.

Прочитал еще раз.

Потом положил перед собой.

— А про чувства?

Я нахмурилась.

— Что про чувства?

— Если кто-то влюбится.

Я вспомнила вопрос Лиды.

— Ты хочешь запретить влюбляться?

Константин задумался.

— Нет. Наверное, это бессмысленно.

— Тогда не будем делать вид, что можем все контролировать.

Он посмотрел на меня.

— Вера, я люблю тебя.

Я кивнула.

— Я тоже тебя люблю.

И это была правда.

В тот вечер я все еще любила мужа.

Наверное, именно поэтому согласие далось так тяжело.

Константин протянул руку через стол.

Я позволила ему взять мою ладонь.

Он сжал ее.

— Спасибо, что пытаешься меня понять.

Я посмотрела ему в глаза.

— Я делаю это не только ради тебя.

Он кивнул.

Но по его лицу было видно, что до конца он мне не поверил.

Мужу по-прежнему казалось, что мы обсуждаем его роман с Ингой.

А мне хотелось наконец разобраться с собственной жизнью.

В субботу я отправилась на день рождения Лиды.

Константин знал, куда я иду.

Он предложил отвезти, но я отказалась.

Перед выходом долго выбирала платье.

Сначала достала черное, которое обычно надевала на рабочие мероприятия.

Потом темно-зеленое.

Потом решила, что вся эта возня выглядит глупо.

Мне было сорок три года. Я собиралась на день рождения лучшей подруги, а не на конкурс красоты.

И все равно вернулась к зеркалу.

Зеленое платье сидело лучше.

Подчеркивало талию, открывало ключицы. Волосы я уложила мягкими волнами, накрасила губы чуть ярче обычного.

Когда вышла из спальни, Константин стоял возле окна.

Он обернулся.

И задержал на мне взгляд.

— Красиво выглядишь.

— Спасибо.

Он подошел ближе.

— Давно не видел на тебе это платье.

— Я его не так давно купила.

— Правда?

Я улыбнулась.

— В прошлом месяце.

— Значит, мне стоит внимательнее смотреть.

Он коснулся моего локтя.

Я почувствовала знакомое тепло.

На секунду захотелось обнять его.

Но Константин вдруг спросил:

— Во сколько вернешься?

Я посмотрела на него.

— Пока не знаю.

Он слегка нахмурился.

— Просто спросил.

— Я понимаю.

Мы помолчали.

Потом он отступил.

— Хорошо тебе провести вечер.

— Спасибо.

Я взяла сумочку и вышла.

У Лиды было шумно.

Она жила в большой квартире в старом доме, где высокие потолки и широкие подоконники позволяли гостям рассаживаться в самых неожиданных местах.

В гостиной уже собралось человек десять.

Кто-то открывал вино, кто-то спорил о музыке, двое мужчин на кухне пытались разобраться, почему не работает кофемашина.

Лида встретила меня возле двери.

— Наконец-то!

— Я опоздала на семь минут.

— Ты всегда так говоришь.

Она обняла меня.

Потом отстранилась и оглядела.

— Ого.

— Что?

— Ничего. Просто тебе идет это платье.

— Спасибо.

— А волосы?

— Что с волосами?

— Ничего. Красивые.

Я прищурилась.

— Лида, еще один комплимент, и я решу, что ты пытаешься меня кому-то продать.

Она рассмеялась.

— Только очень дорого.

Я вручила подарок.

Лида тут же развернула коробку.

Внутри лежали серьги из серебра с небольшими темными камнями.

— Вера! — воскликнула она. — Ты же знаешь, что я обещала больше не покупать украшения!

— Вот я и решила тебе помочь. Ты их не покупала.

Подруга расхохоталась и снова меня обняла.

Через несколько минут я уже сидела в гостиной с бокалом вина.

Разговаривала с редактором другого издательства, обсуждала новую экранизацию, смеялась над историей о писателе, который случайно отправил в типографию черновик с собственными комментариями.

Мне было хорошо.

Впервые за последние две недели я не думала каждую минуту об Инге.

Потом в прихожей раздался звонок.

Лида пошла открывать.

Я услышала мужской голос:

— Я опоздал настолько, что мне уже придется мыть посуду?

— Хуже, — ответила Лида. — Ты будешь объяснять гостям, почему у нас опять не работает проектор.

— Я не чиню проекторы.

— Ты же техник.

— Это не диагноз.

Я невольно улыбнулась.

Через несколько секунд в гостиную вошел мужчина.

Высокий, широкоплечий, в темных джинсах и простой серой рубашке. Волосы короткие, почти черные, у брови небольшой старый шрам.

Он держал в одной руке коробку с тортом, в другой — бутылку вина.

На вид ему было около сорока пяти — взрослый мужчина, не пытающийся выглядеть моложе собственного возраста.

Лида забрала торт.

— Знакомьтесь. Это Данила Кедров. Даня, это Вера, моя подруга.

Мужчина повернулся ко мне.

— Очень приятно.

— Взаимно.

Он улыбнулся.

Улыбка оказалась немного неровной, словно один уголок рта двигался охотнее другого.

— Лида предупреждала, что здесь будут люди из издательств. Я подготовился.

— Каким образом? — спросила я.

— Не буду рассказывать, что в последний раз читал в отпуске.

— Почему?

— Потому что это была инструкция к кофемашине.

Я рассмеялась.

— Между прочим, полезная литература.

— Очень. Особенно глава про удаление накипи. Драматургия прекрасная.

Лида закатила глаза.

— Только не начинайте. Данила, иди помоги с проектором.

Он посмотрел на потолок.

— Я правильно понимаю, что меня пригласили исключительно из-за оборудования?

— Нет. Еще торт нужен был.

— Приятно чувствовать себя желанным гостем.

Он ушел в соседнюю комнату.

А я неожиданно поймала себя на том, что смотрю ему вслед. Красивых мужчин я встречала и раньше, но сейчас мне понравилось, как легко он разговаривал: без стремления произвести впечатление и без привычной для Константина уверенности, что любой вопрос необходимо немедленно решить.

Через полчаса мы все же включили проектор.

Один из гостей предложил посмотреть старую комедию «День сурка». Лида сначала возмущалась, что не собиралась устраивать кинозал, потом принесла пледы и сама первой устроилась на диване.

Я села в кресло возле окна.

Данила оказался рядом, на широком подлокотнике соседнего дивана.

Во время фильма мы почти не разговаривали.

Только однажды, когда главный герой в очередной раз пытался произвести впечатление на женщину, Данила негромко сказал:

— Бедняга. Столько работы ради одного свидания.

Я повернула голову.

— Вас больше беспокоит объем работы?

— Меня беспокоит, что ему понадобилось столько попыток, чтобы научиться слушать другого человека.

— Зато научился.

— Вынужден был. У него было очень много свободного времени.

Я улыбнулась.

После фильма гости начали спорить.

Кто-то считал главного героя эгоистом.

Кто-то говорил, что история вообще не про любовь.

Лида утверждала, что человек может измениться только тогда, когда действительно этого захочет.

Данила не согласился.

— Не уверен. Иногда он просто устает получать один и тот же результат.

— А разве это не желание измениться? — спросила я.

Он повернулся ко мне.

— Не обязательно. Можно научиться правильно себя вести и при этом остаться прежним.

— А как отличить?

Данила задумался.

— Наверное, посмотреть, что человек делает, когда его больше никто не проверяет.

Я почувствовала неожиданное желание продолжить разговор.

— А вы считаете, что люди вообще меняются?

— Считаю. Просто не так быстро, как обещают.

— Пессимистично.

— Практично.

— Для человека, который работает с творческими людьми, довольно суровый подход.

Он удивленно посмотрел на меня.

— А кто сказал, что я с ними работаю?

— Лида. Вы занимаетесь светом на концертах.

— А, это. Да. Но творческие люди обычно считают, что свет возникает сам собой, стоит только красиво попросить.

Я рассмеялась.

— Поверьте, редакторы прекрасно вас понимают.

— С писателями тоже сложно?

— Смотря с какими. Некоторые уверены, что редактор существует исключительно для того, чтобы восхищаться каждой написанной страницей.

— А вы не восхищаетесь?

— Только когда мне за это отдельно доплачивают.

Он рассмеялся.

И я вдруг заметила его руки.

Крупные ладони, длинные пальцы, небольшая царапина возле большого пальца.

Никакого особенного значения это не имело.

Но я почему-то задержала взгляд.

Данила заметил.

— Что-то не так?

Я смутилась.

— Нет. Просто подумала, что у вас довольно опасная работа.

Он посмотрел на царапину.

— Это кот.

— Кот?

— Соседский. Я пытался снять его с дерева.

— И кто победил?

— Кот. Он сам спустился, когда я уже собирался лезть за ним второй раз.

Я засмеялась.

Данила улыбнулся в ответ.

Потом его позвали на кухню.

Я осталась в кресле.

И вдруг поняла, что улыбаюсь просто так.

Без причины.

Вернее, причина была.

Мне понравился мужчина.

Совершенно незнакомый.

С которым я проговорила всего несколько минут.

Я почувствовала себя школьницей и даже рассердилась на себя за это сравнение.

Мне было сорок три.

Я имела полное право заинтересоваться мужчиной.

Даже если еще вчера не представляла, как такое возможно.

Позже мы встретились на кухне.

Я пыталась найти чистый стакан.

Данила стоял возле открытого шкафа с тарелками.

— Кажется, Лида прячет посуду в самых неожиданных местах, — сказал он.

— Она считает, что это тренирует память гостей.

— Тогда у меня уже серьезные проблемы.

Я достала стакан с верхней полки.

Данила отступил, пропуская меня.

— Вы давно знакомы с Лидой? — спросила я.

— Лет шесть. Мы делали свет для одного книжного фестиваля. Она тогда трижды меняла программу за сутки.

— Узнаю Лиду.

— А потом позвонила и сказала, что я единственный человек, который не послал ее после четвертого изменения.

— Вы очень терпеливый?

— Нет. Просто выставил дополнительный счет.

Я рассмеялась.

Он тоже улыбнулся.

Несколько секунд мы стояли молча.

Потом Данила спросил:

— А вы всегда так внимательно смотрите фильмы?

— В каком смысле?

— Вы почти весь вечер следили не за сюжетом, а за тем, как люди разговаривают друг с другом.

Я удивилась.

— Вы заметили?

— Да.

— Профессиональная привычка. Я постоянно работаю с диалогами.

— И как вам наши?

Я посмотрела на него.

— Пока неплохо.

Он усмехнулся.

— Высокая оценка.

— Не обольщайтесь. Я еще не закончила редактирование.

Данила рассмеялся.

В дверях появилась Лида.

— Вот вы где! Я уже решила, что Данила сбежал.

— Я искал стаканы, — ответил он.

— Полчаса?

— Здесь сложная система хранения.

Лида посмотрела на нас с подозрительно довольным выражением.

Я сделала вид, что ничего не заметила.

Ближе к полуночи гости начали расходиться.

Я помогла Лиде убрать тарелки.

Данила вместе с другим мужчиной перенес стол и собрал коробки.

Когда я вышла в прихожую, он уже надевал куртку.

— Вера, — обратился он ко мне, — вы на машине?

— Да.

— Тогда осторожнее. На улице дождь, дорога скользкая.

— Спасибо. Постараюсь не устраивать приключений.

— Хорошая идея.

Он улыбнулся.

Я тоже.

Потом он попрощался с Лидой и ушел.

Я проводила его взглядом.

Подруга появилась рядом почти сразу.

— Ну?

Я повернулась.

— Что ну?

— Ничего.

— Лида.

— Я молчу.

Она улыбалась так широко, что мне захотелось бросить в нее шарфом.

— Он мне понравился, — призналась я.

Подруга перестала улыбаться.

— Правда?

— Да.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Вер, я не хотела вас специально сводить.

— Я знаю.

— Просто пригласила друзей.

— Я знаю, Лида.

Она кивнула.

Потом осторожно спросила:

— Ты хочешь, чтобы я дала тебе его номер?

Я задумалась.

Вчера я сказала Константину, что согласна попробовать открытые отношения.

Сегодня встретила мужчину, с которым мне захотелось поговорить еще раз.

Все происходило слишком быстро.

Я могла спокойно поехать домой.

Забыть разговор.

Сказать себе, что Данила просто приятный человек.

Но почему-то не хотелось.

— Нет, — ответила я.

Лида подняла брови.

— Нет?

Я улыбнулась.

— Передай ему мой.

Подруга рассмеялась.

— А вот это уже интересно.

— Только без намеков, пожалуйста.

— Каких намеков?

— Лида.

— Хорошо, хорошо. Просто скажу, что ты не против продолжить разговор.

Я кивнула.

Потом надела пальто.

На улице пахло мокрым асфальтом.

Я села в машину, включила обогрев и несколько минут сидела, не трогаясь с места.

Телефон лежал рядом.

Я посмотрела на него.

Потом завела двигатель.

Не хватало еще сидеть возле дома подруги и ждать сообщения от мужчины, которого встретила два часа назад.

Я взрослая женщина — с работой, мужем, дочерью и двадцатью одним годом брака за плечами. И совершенно никаких причин вести себя как девочка перед первым свиданием.

Телефон завибрировал, когда я уже подъезжала к дому.

На светофоре я бросила взгляд на экран.

Незнакомый номер.

«Добрый вечер, Вера. Это Данила. Лида сказала, что вы не против продолжить разговор. Надеюсь, она ничего не перепутала».

Я улыбнулась.

Ответила уже на парковке.

«Не перепутала. Добрый вечер».

Несколько секунд смотрела на экран.

Потом решила, что лучше сразу объяснить главное.

«Только должна кое-что сказать. Я замужем».

Ответ пришел не сразу.

Я успела снять ремень безопасности, выключить двигатель и даже подумать, что зря все затеяла.

Потом экран загорелся.

«Понял. Спасибо, что сказали».

Я почувствовала укол разочарования.

Наверное, на этом все и закончится.

И правильно.

Я уже собиралась убрать телефон, когда пришло еще одно сообщение.

«Вы хотите объяснить обстоятельства или предупредить, что нам лучше не встречаться?»

Я несколько секунд смотрела на вопрос.

Он был неожиданно точным.

Я написала:

«Объяснить. Но это довольно длинная история».

Ответ пришел почти сразу.

«Тогда предлагаю встретиться. Я лучше слушаю, когда передо мной живой человек, а не экран».

Я прикусила губу.

В груди появилось давно забытое волнение.

«Когда?» — спросила я.

«В среду вечером? Знаю одно хорошее место, где можно спокойно поговорить».

Я посмотрела на часы.

Потом на окна нашего дома.

На пятом этаже горел свет.

Константин, наверное, сидел в кабинете.

Возможно, ждал меня.

А может, переписывался с Ингой.

Я больше не могла знать наверняка.

И впервые эта неизвестность не заставила меня немедленно задавать вопросы.

Я снова посмотрела на сообщение Данилы.

«В среду удобно», — ответила я.

Он прислал адрес небольшого кафе и предложил встретиться в семь.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи.

Я убрала телефон в сумочку.

Вышла из машины.

Дождь уже закончился, но воздух оставался влажным и прохладным.

Я медленно пошла к подъезду.

Мне было немного стыдно.

Немного страшно.

И очень приятно.

Впервые за много лет я возвращалась домой после встречи с мужчиной и думала не только о том, как прошел вечер.

Я думала о следующем.

Константин сам предложил мне свободу.

Он действительно считал, что я никогда не стану ею пользоваться.

А я только что договорилась о свидании.

Глава 3. Первое свидание

В среду я трижды переоделась.

Сначала надела черные брюки и светлую блузку. Посмотрела в зеркало, подумала, что выгляжу как женщина, которая собирается обсуждать условия договора, и переоделась.

Второе платье оказалось слишком нарядным.

Третье — слишком коротким.

Я стояла посреди спальни в одном белье, когда в дверь постучал Константин.

— Вер, можно?

— Подожди!

Я схватила халат.

— Теперь можно.

Муж приоткрыл дверь.

— Ты не видела мои часы?

— Какие?

— С черным ремешком.

— В верхнем ящике комода. Ты сам их туда положил в воскресенье.

Он прошел к комоду, открыл ящик и сразу нашел часы.

— Спасибо.

Я поправила пояс халата.

Константин посмотрел на разложенную одежду.

— Куда-то собираешься?

— Да.

— По работе?

Я выдержала его взгляд.

— На свидание.

Он перестал застегивать ремешок.

Не резко. Просто пальцы на мгновение замерли.

— Сегодня?

— Сегодня.

— Понятно.

Я ждала следующего вопроса.

Константин посмотрел на меня, потом на платье, которое лежало на кровати.

— С кем?

— С мужчиной.

— Это я понял.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Он выдохнул через нос.

— Вера, я не допрашиваю. Просто интересуюсь.

— Мы же договорились, что не обязаны рассказывать друг другу подробности.

— Договорились.

Муж наконец застегнул часы.

— Во сколько вернешься?

— Не знаю. Ночевать буду дома.

— Хорошо.

Он направился к двери.

У самого порога остановился.

— Вер.

— Что?

— Ты его давно знаешь?

Я посмотрела на мужа.

Мне вдруг захотелось солгать.

Сказать, что давно. Что этот мужчина много лет проявлял ко мне интерес, просто я хранила верность.

Интересно, как бы Константин отреагировал?

Но я обещала себе не превращать новые отношения в способ отомстить.

— Мы познакомились в субботу.

Муж медленно кивнул.

— Быстро.

— Что именно?

— Все.

Я скрестила руки на груди.

— Кость, ты три месяца общался с Ингой, прежде чем сообщил мне о ней. Я рассказываю о свидании заранее. Что именно тебя не устраивает?

Он посмотрел на меня.

— Ничего. Я просто не ожидал.

— Чего?

— Что ты так скоро кого-нибудь встретишь.

Я почувствовала неприятное удовольствие.

Не гордость.

Скорее удовлетворение от того, что мир оказался немного шире представлений моего мужа.

— Я тоже не ожидала, — призналась я.

Константин хотел что-то сказать, но передумал.

— Хорошего вечера, Вера.

— Спасибо.

Он вышел.

Я осталась перед открытым шкафом.

Взглянула на себя в зеркало.

Потом на часы.

До встречи оставалось чуть больше часа.

Нужно было срочно решить вопрос с одеждой, иначе я действительно опоздала бы на первое за двадцать один год свидание.

В конце концов я выбрала темно-синее платье до колен.

Оно хорошо сидело, не требовало постоянно поправлять вырез и подходило для обычного вечера в кафе.

Сверху надела светлый тренч, волосы оставила распущенными. Губы накрасила помадой, которую купила прошлой осенью и почти не использовала: красивый оттенок, немного темнее привычного.

Я улыбнулась своему отражению.

Получилось хорошо.

Не вызывающе.

Не так, словно я отчаянно старалась кому-то понравиться.

Хотя именно этим и занималась.

Признаваться себе оказалось неожиданно приятно.

Телефон завибрировал.

Данила.

«Я уже выехал. Если придете раньше, берите столик у окна. Там обычно тише».

Я ответила, что тоже собираюсь.

Потом взяла сумочку.

На кухне Константин пил воду.

Он посмотрел на меня.

Взгляд задержался на лице, скользнул по платью и вернулся к глазам.

— Тебе идет.

— Спасибо.

— На машине?

— Да.

— Если будешь пить вино, оставь ее там. Я могу забрать тебя.

Я невольно улыбнулась.

— Думаешь, это хорошая идея?

Он помолчал.

Потом усмехнулся.

— Наверное, нет.

В его голосе прозвучала знакомая самоирония.

Я вдруг вспомнила, почему когда-то полюбила этого мужчину.

Константин умел признавать нелепость ситуации, даже если сам ее создал.

— Я не буду пить, — сказала я.

Он кивнул.

Я вышла из квартиры.

На этот раз муж не стал провожать меня до лифта.

В машине я проверила адрес.

Небольшое кафе возле канала Грибоедова.

Данила выбрал место сам.

Это оказалось для меня приятной мелочью.

Не нужно было выяснять, какой район ему удобен, искать столик, читать отзывы и уточнять, есть ли там парковка.

Хотя последнее я все-таки проверила.

В дороге я пыталась убедить себя, что не обязана никому нравиться.

Мы просто встретимся и поговорим. Возможно, без праздничного шума и компании друзей Данила окажется совершенно неинтересен мне. Или я окажусь неинтересна ему. Оба варианта были допустимы.

Но когда свернула на нужную улицу и увидела его возле входа в кафе, сердце все равно забилось быстрее.

Данила стоял под козырьком.

На нем были темная куртка, джинсы и светлая рубашка с расстегнутым воротом. В одной руке он держал телефон, другой придерживал дверь женщине с детской коляской.

Потом заметил меня.

Улыбнулся.

И я совершенно некстати вспомнила, что понятия не имею, как нужно здороваться с мужчиной на свидании.

Рукопожатием?

Поцелуем в щеку?

Обычным «здравствуйте»?

Данила избавил меня от выбора.

— Добрый вечер, Вера.

— Добрый.

Он придержал дверь.

— Я здесь уже минут пять. У нас небольшая проблема.

— Какая?

— Кажется, сегодня все жители Петербурга решили встретиться именно в этом кафе.

Я заглянула внутрь.

За столиками сидели большие компании. Возле барной стойки толпились люди, а из динамиков играла музыка.

— Вы же говорили, что здесь тихо.

— Обычно так и есть. Сегодня какой-то тематический вечер.

Мы прошли внутрь.

Администратор объяснила, что в соседнем зале проходит музыкальная викторина.

— У нас есть столик возле окна, — предложила она. — Правда, совсем рядом с колонкой.

Данила посмотрел на меня.

— Можем попробовать?

— Давайте.

Мы сели.

Я сняла тренч.

Данила помог мне повесить его на спинку стула.

Официант принес меню.

Я открыла первую страницу.

В этот момент из динамиков раздался оглушительный припев старой эстрадной песни.

Мы одновременно подняли головы.

Данила наклонился ко мне.

— Кажется, я совершил ошибку.

— Пока не знаю. Возможно, это проверка совместимости.

— По музыкальным предпочтениям?

— По способности выдерживать трудности.

Он рассмеялся.

— Тогда предлагаю начать с чего-нибудь простого. Например, выбрать чай.

Я заказала чай с бергамотом.

Он взял кофе.

Мы попытались поговорить.

— Как прошел день? — спросил Данила.

— Хорошо. А у вас?

Он ответил, но я не расслышала.

— Простите?

Данила повторил.

В соседнем зале кто-то восторженно закричал.

Я наклонилась ближе.

— Что?

Он посмотрел на меня, потом на колонку.

И вдруг совершенно серьезно произнес:

— Вера, я вынужден признаться. Это свидание организовано плохо.

Я расхохоталась.

— А вы часто составляете отчеты о собственных свиданиях?

— Обычно нет. Но сегодня материал богатый.

Он подозвал официанта.

Попросил счет.

Я удивилась.

— Мы же только заказали.

— Именно поэтому у нас есть шанс спастись.

— А куда пойдем?

— Есть два варианта. Можем найти другое кафе или просто погулять. На улице сейчас гораздо тише.

Я посмотрела в окно.

Дождя не было.

Небо оставалось светлым, хотя вечер уже приближался.

— Давайте погуляем.

Данила кивнул.

— Отлично.

Он оплатил заказ.

Я предложила разделить счет, но он улыбнулся.

— Не думаю, что разорюсь из-за двух напитков, которых мы не дождались.

— Тогда в следующий раз я выбираю место.

Он посмотрел на меня.

— Договорились.

Я почувствовала, как щеки стали теплее.

Следующий раз.

Мы еще даже не провели первое свидание, а уже говорили о втором.

На улице оказалось прохладнее, чем я ожидала.

Мы пошли вдоль канала.

Петербург в начале мая был особенно красив в те вечера, когда солнце еще не садилось, но город уже начинал включать огни.

Над водой висел легкий туман.

Мимо проходили люди, кто-то фотографировал мост, возле остановки спорили две женщины.

Данила шел рядом, не пытаясь взять меня под руку.

Мне это нравилось.

И немного разочаровывало.

Я неожиданно обнаружила, что могу испытывать сразу несколько совершенно противоположных желаний.

Хотела, чтобы он вел себя деликатно.

И хотела почувствовать его прикосновение.

— Я должен извиниться, — сказал Данила.

— За кафе?

— Да. Если бы я знал о викторине, выбрал бы другое место.

— Мне понравилось.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Правда?

— У нас теперь есть общая история. Первое свидание, с которого мы сбежали через семь минут.

— Девять.

— Вы считали?

— Профессиональная привычка. На работе приходится следить за временем.

— А чем именно вы занимаетесь? Лида говорила про свет, но довольно неопределенно.

Данила улыбнулся.

— У меня небольшая компания. Мы обеспечиваем сценическое освещение для концертов и мероприятий. Есть партнер, команда, оборудование. Я отвечаю в основном за техническую часть.

— То есть вы придумываете, как будет выглядеть сцена?

— Иногда. Чаще делаю так, чтобы придуманное другими действительно работало.

— И чтобы артистов было видно?

— Это тоже полезно.

Я засмеялась.

— Никогда об этом не задумывалась.

— Большинство зрителей не задумываются. И это хорошо. Если все работает, значит, мы свою работу сделали.

Мы остановились у перехода.

Данила рассказывал о недавнем концерте, на котором организаторы решили за несколько часов до начала изменить расположение сцены.

— И что вы сделали? — спросила я.

— Сначала объяснили, почему это плохая идея.

— Помогло?

— Нет.

— Тогда?

— Переделали половину схемы и успели за двадцать минут до открытия дверей.

— А если бы не успели?

— Был бы очень дорогой концерт при обычном освещении.

Я улыбнулась.

— Звучит знакомо.

— У вас тоже так?

— Конечно. У нас автор может за день до отправки книги в типографию решить, что главная героиня должна выйти замуж за другого мужчину.

Данила повернул голову.

— А вы разрешаете?

— Иногда.

— От чего зависит?

— От того, есть ли в этом смысл.

— А если автор очень просит?

— Тогда я объясняю, почему героиня не может внезапно полюбить человека, с которым за всю книгу ни разу нормально не разговаривала.

Он рассмеялся.

— Серьезная профессия.

— Очень. Мы следим за чужими личными жизнями.

Я произнесла это и неожиданно смутилась.

Данила заметил.

Но не стал шутить.

Мы перешли дорогу.

Некоторое время шли молча.

Я смотрела на воду и думала, что пора поговорить о главном.

Нельзя было делать вид, что я свободная женщина, которая просто пришла на свидание.

Данила должен понимать, в какую историю его приглашают.

— Вы ведь хотели что-то мне рассказать, — произнес он.

Я посмотрела на него.

— Да.

— Я слушаю.

Я остановилась возле ограды.

Данила тоже остановился.

Мне хотелось заранее придумать красивое объяснение.

Что-нибудь взрослое, уверенное, лишенное неловкости.

Но правда была гораздо проще.

— Я замужем, — сказала я. — Уже двадцать один год.

— Я помню ваше сообщение.

— У нас с мужем есть дочь. Ей двадцать.

Данила кивнул.

— А несколько недель назад муж предложил мне открытый брак.

Он не удивился так сильно, как я ожидала.

Только чуть приподнял брови.

— Понятно.

— Правда?

— Пока не совсем. Но можете продолжать.

Я невольно улыбнулась.

— Он встретил женщину, которая ему нравится. И предложил сохранить семью, разрешив друг другу отношения на стороне.

Данила некоторое время смотрел на воду.

— А вы согласились?

— Да.

— Потому что тоже хотели встречаться с другими мужчинами?

Вопрос оказался неожиданно трудным.

— Сначала нет.

— А сейчас?

Я посмотрела на него.

— Сейчас я здесь.

Он улыбнулся.

Но не стал воспринимать мой ответ как приглашение немедленно приблизиться.

— Ваш муж знает, что мы встретились?

— Да. Я сказала перед уходом.

— И он согласен?

— Это не совсем тот вопрос, который мы друг другу задаем. У нас взаимное право на свидания.

Данила задумался.

— Я спрашиваю потому, что не хочу оказаться человеком, с которым жена встречается тайком, пока муж считает, что у них обычный брак.

Мне понравилась его прямота.

— Нет. Он знает о нашей договоренности. И знает, что сегодня я на свидании.

— Хорошо.

Я прислонилась к прохладной ограде.

— Вас это не смущает?

— Смущает немного.

Я улыбнулась.

— Спасибо за честность.

— Вы ведь не ожидали, что я сразу начну радоваться?

— Не знаю, чего ожидала.

Данила повернулся ко мне.

— Вера, можно задать личный вопрос?

— Попробуйте.

— Вы согласились на такие отношения потому, что действительно этого хотите, или чтобы не потерять мужа?

Я отвела глаза.

Именно такой вопрос задавала Лида.

Только от Данилы услышать его оказалось гораздо неприятнее.

— Это сложно.

— Я понимаю.

— Нет, наверное, не понимаете.

Он кивнул.

— Возможно.

Я посмотрела на него.

Обычно Константин начинал объяснять, что прекрасно понимает меня.

Данила не стал.

Это почему-то располагало к откровенности.

— Я люблю мужа, — сказала я. — У нас хорошая семья. Я не хочу ее разрушать. Но когда он предложил новые правила, я поняла, что сама давно живу по привычке.

— В каком смысле?

— Работа, дом, ужин, выходные. Иногда поездки. Все нормально. Даже хорошо. Но я перестала ждать чего-то неожиданного.

Данила внимательно слушал.

— И решили попробовать?

— Да.

Я усмехнулась.

— Правда, звучит так, будто я купила абонемент в спортивный зал.

Он рассмеялся.

— В спортзале хотя бы понятно, за что платишь.

Я тоже улыбнулась.

Несколько секунд мы молчали.

Потом он спросил:

— А чего вы ждете от меня?

Я почувствовала, как сердце снова забилось быстрее.

Вот он.

Самый важный вопрос.

И я не знала ответа.

— Хорошего общения, — сказала я.

Данила усмехнулся.

— Это можно получить и без свиданий.

Я подняла брови.

— А вы довольно самоуверенный.

— Просто пытаюсь понять, чего мы оба хотим.

— А вы чего хотите?

Он посмотрел на меня прямо.

— Мне понравилось с вами разговаривать в субботу. Потом понравилось, как вы ответили на сообщение. Я захотел увидеть вас снова.

Я ждала продолжения.

— И все? — спросила я.

— Пока да.

Я невольно рассмеялась.

— Какое разочарование. А я думала, вы уже строите планы на нашу совместную старость.

— До старости далеко. Мы еще даже нормальный кофе не выпили.

Мне понравился ответ.

Данила сделал несколько шагов вдоль ограды.

Я пошла рядом.

— Я разведен, — сказал он.

— Давно?

— Два года.

— Были женаты долго?

— Почти восемнадцать лет.

Я посмотрела на него.

— У вас тоже серьезный семейный стаж.

— Да. Только закончился он раньше вашего.

В его голосе не было ни гордости, ни особенной горечи.

Просто факт.

— Из-за измены? — спросила я.

Он покачал головой.

— Нет.

— Тогда из-за чего?

Данила немного помолчал.

— Мы стали жить разными жизнями. Сначала думали, что это временно. Потом перестали даже пытаться что-то изменить.

— И кто предложил развод?

— Мария.

— Ваша жена?

— Бывшая жена.

Он слегка улыбнулся.

— Я долго надеялся, что мы договоримся. Но оказалось, что она уже давно приняла решение.

Я замедлила шаг.

— Вы ее любили?

— Конечно.

— А сейчас?

Данила задумался.

— Сейчас у нас нормальные отношения. Мы воспитываем сына. Я благодарен ей за многое, что было между нами.

Мне понравилось, что он не стал рассказывать, какой ужасной оказалась его бывшая жена.

И не пытался представить себя безупречным мужем, которого бросили без причины.

— Сколько сыну? — спросила я.

— Семнадцать. Егор.

— Почти взрослый.

— Он именно так и считает.

Я рассмеялась.

— Знакомая история.

— Правда?

— Моей дочери двадцать. Она уже три года доказывает, что совершенно самостоятельная женщина, но продолжает звонить мне с вопросами, как вывести пятно с любимой толстовки.

— Егор обычно звонит, когда ему нужны деньги на что-нибудь совершенно необходимое.

— Например?

— На новую компьютерную мышь. Предыдущая перестала быть достаточно быстрой.

Я засмеялась.

Данила улыбнулся.

— Хотя на самом деле хороший парень. Учится, занимается музыкой, собирается поступать.

— Куда?

— Пока выбирает. Иногда мне кажется, что он намерен изучить все университеты страны, прежде чем определится.

Мы пошли дальше.

Разговор неожиданно стал легким.

Данила рассказывал про сына.

Я — про Полину.

Потом мы вспомнили собственное студенчество, первые работы, нелепые поступки молодости.

Он признался, что однажды на первом курсе пытался произвести впечатление на девушку, изображая человека, прекрасно разбирающегося в джазе.

— И что получилось? — спросила я.

— Она пригласила меня на концерт.

— Прекрасно.

— Там я окончательно понял, что джаз бывает очень длинным.

Я рассмеялась.

— И девушка?

— На третьем свидании выяснилось, что ей нравится совсем другая музыка.

— Значит, вы оба притворялись.

— Именно. Очень перспективное начало отношений.

Мы вышли к небольшой кофейне.

Данила остановился.

— Попробуем наконец получить обещанные напитки?

— Давайте.

Внутри было тепло.

За стойкой работала девушка с короткими рыжими волосами. Она предложила кофе с карамелью, но я выбрала обычный капучино.

Данила взял американо.

Мы устроились за маленьким столиком возле окна.

Я сняла тренч.

Он повесил куртку на соседний стул.

Теперь, когда не приходилось перекрикивать музыку и следить за дорогой, я могла спокойно рассмотреть его.

У Данилы были темные глаза.

Не черные, как мне показалось в субботу, а карие, с теплым оттенком.

Небольшой шрам возле брови делал лицо чуть суровее. Но когда он улыбался, впечатление менялось.

Он был красивым — с живым лицом, выразительными руками и той уверенностью в себе, которая не требует постоянного подтверждения.

Я поймала себя на том, что представляю, как он выглядит без рубашки.

От неожиданности едва не поперхнулась кофе.

— Все нормально? — спросил Данила.

— Да. Горячий.

Он посмотрел на мою чашку.

— Можем попросить холодной воды.

— Не надо.

Я поставила чашку.

Господи, Вера.

Сорок три года.

А ведешь себя так, будто впервые увидела привлекательного мужчину.

Хотя, если подумать, впервые за много лет я действительно позволила себе смотреть на мужчину именно так.

Не просто отметить красивое лицо.

А представить прикосновение.

Запах кожи.

Близость.

Мне стало жарко.

Я сняла тонкий шарф.

Данила заметил, но ничего не сказал.

— Можно теперь я задам вопрос? — спросила я.

— Конечно.

— Почему вас не отпугнуло мое сообщение о муже?

Он немного помолчал.

— Потому что вы сказали правду сразу. И мне захотелось вас выслушать.

— Только поэтому?

— Нет.

— А еще?

Данила посмотрел на меня.

— Я не ищу женщину, с которой завтра нужно будет съехаться и строить новую семью.

Я перестала улыбаться.

Он заметил.

— Это звучит грубее, чем я хотел.

— Нет. Зато понятно.

— После развода я некоторое время пытался встречаться с женщинами. Хорошими, интересными. Но каждый раз наступал момент, когда от меня начинали ждать того, к чему я не был готов.

— Например?

— Совместных выходных по расписанию. Знакомства с родственниками. Разговоров о будущем.

Я подняла брови.

— Вы сейчас перечислили довольно обычные вещи.

Он улыбнулся.

— Знаю.

— И что в них страшного?

— Ничего. Если оба этого хотят.

Я задумалась.

— А вы не хотите?

— Сейчас нет.

Его ответ был спокойным.

Без попытки понравиться мне больше, чем позволяла правда.

Я посмотрела на чашку.

Странно.

Мой муж хотел сохранить семью и встречаться с другой женщиной.

Данила не хотел новой семьи.

А я сидела между двумя совершенно разными мужскими желаниями и пыталась разобраться с собственными.

— То есть вам удобно встречаться с замужней женщиной? — спросила я.

Он не стал отрицать.

— Да. При условии, что она сама этого хочет.

Я почувствовала легкий укол.

Не ревность.

Не обиду.

Скорее разочарование оттого, что Данила оказался не романтическим героем, готовым немедленно перевернуть жизнь ради прекрасной незнакомки.

Но ведь я сама не хотела от него подобных обещаний.

Пока.

— Вы всегда такой прямолинейный?

— Стараюсь. После развода понял, что недоговоренности обходятся слишком дорого.

— И вы никогда не меняете решения?

Он рассмеялся.

— Постоянно. Но предпочитаю не обещать того, в чем не уверен.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Знаете, это довольно необычный подход к свиданию.

— Почему?

— Обычно мужчины пытаются произвести впечатление.

— А я разве не пытаюсь?

— Пока получается весьма своеобразно.

Он улыбнулся.

— Значит, у меня еще есть шансы?

Я неожиданно смутилась.

— Возможно.

Данила не отвел взгляда.

Несколько секунд между нами было тихо.

Я вдруг очень отчетливо почувствовала его присутствие.

Расстояние между столиками.

Тепло чашки в ладонях.

Собственное дыхание.

И то, как мне хочется, чтобы он пересел ближе.

Но Данила только спросил:

— А чем вы любите заниматься, когда не работаете?

Я рассмеялась.

— Очень хитрый вопрос.

— Почему?

— Потому что последние пятнадцать минут вы рассказываете, чего не хотите от отношений, а теперь интересуетесь моими увлечениями.

— Мне кажется, это логично.

— Правда?

— Я ведь пришел сюда не только ради обсуждения вашего семейного положения.

Я улыбнулась и рассказала о старых кинотеатрах, которые люблю, о небольшой коллекции книг, которую собирала еще со студенчества. О том, как иногда специально езжу на другой

конец города ради хорошей выставки, и о мечте научиться танцевать танго, которую постоянно откладывала.

Данила слушал, расспрашивал, уточнял.

Он даже достал телефон и записал название фильма, который я ему посоветовала.

— Вы действительно собираетесь посмотреть? — удивилась я.

— А почему нет?

— Многие спрашивают, но потом забывают.

— Если забуду, телефон напомнит.

Мне понравилась эта простая фраза.

Константин тоже интересовался моей работой и увлечениями.

Но в последние годы мы слишком часто разговаривали о привычных вещах.

А Данила спрашивал о том, о чем я давно никому не рассказывала.

Мы просидели в кофейне почти час.

Потом он посмотрел на часы.

— Мне нужно завтра рано вставать.

Я почувствовала разочарование.

— Конечно.

— Но я бы еще немного прогулялся, если вы не торопитесь.

Я улыбнулась.

— Не тороплюсь.

Мы вышли на улицу.

Стемнело.

В окнах домов горел свет.

Данила предложил проводить меня до машины.

Я согласилась.

Мы шли медленно.

Разговаривали уже обо всем подряд.

О странных привычках людей.

О петербургской погоде.

О том, почему некоторые рестораны считают, что музыка должна быть громче разговора.

На перекрестке Данила остановился возле моей машины.

— Вот и пришли.

Я посмотрела на него.

Мне совсем не хотелось прощаться.

Но я не знала, как это сказать.

Данила улыбнулся.

— Спасибо за вечер, Вера.

— И вам.

— Надеюсь, в следующий раз с кафе повезет больше.

Я подняла брови.

— Вы уже рассчитываете на следующий раз?

— Я бы хотел.

Сердце снова забилось быстрее.

— Тогда, возможно, стоит доверить выбор места мне.

— Полностью поддерживаю.

Я открыла машину.

Потом обернулась.

— Данила.

— Да?

— Спасибо, что спокойно отнеслись к моему рассказу.

Он посмотрел на меня серьезно.

— Вы ничего плохого мне не сделали, Вера. Вам не за что передо мной оправдываться.

Я кивнула.

Хотела что-то ответить.

Не нашлась.

Он улыбнулся.

— Доброй ночи.

— Доброй.

Я села в машину.

Данила подождал, пока я заведу двигатель, и только потом ушел.

Я наблюдала, как он пересекает улицу.

В какой-то момент он обернулся.

Увидел, что я смотрю.

Поднял руку.

Я улыбнулась и помахала в ответ.

Потом медленно выехала с парковки.

Всю дорогу домой я думала о нашем разговоре, его смехе, о том, как он смотрел на меня через стол. Вспоминала крупные ладони и то, что он не пытался ни поцеловать, ни обнять меня, хотя мне так этого хотелось.

Дома горел свет.

Константин сидел в гостиной перед телевизором.

Увидев меня, выключил звук.

— Привет.

— Привет.

Я сняла туфли.

— Как вечер? — спросил он.

Я посмотрела на него.

— Хорошо.

Он кивнул.

— Ужинала?

— Нет. Пила кофе.

— В холодильнике есть паста.

— Спасибо. Я не голодна.

Константин некоторое время смотрел на меня.

Потом спросил:

— Это было свидание?

Я повесила тренч.

— Да.

— Понятно.

Он снова посмотрел на экран.

Я прошла на кухню.

Налила воды.

И вдруг услышала за спиной:

— Он тебе понравился?

Константин стоял в дверях.

Я поставила стакан.

— Да.

Он молча кивнул.

Я видела, что ответ ему неприятен.

Но не собиралась делать вид, что провела ужасный вечер только ради его спокойствия.

— Вы давно знакомы? — спросил муж.

— Я уже говорила. С субботы.

— И он знает про нас?

— Да.

— Про нашу договоренность?

— Да.

Константин потер подбородок.

— Он женат?

Я посмотрела на него.

— Нет. Разведен.

— Дети есть?

Я невольно улыбнулась.

— Кость, ты собираешься проверить его биографию?

— Просто спрашиваю.

— Тогда я просто отвечу, что это хороший мужчина и мне было приятно провести с ним вечер.

Константин некоторое время смотрел на меня.

Потом произнес:

— Я рад, если тебе было хорошо.

Я не удержалась.

— Правда?

Он поморщился.

— Вера.

— Извини.

Мне действительно стало неловко.

Он пытался соблюдать договоренность.

И, наверное, ему это давалось не легче, чем мне.

— Я сегодня тоже виделся с Ингой, — сказал Константин.

Я почувствовала, как неприятно сжался желудок.

Вот и все.

Свобода была взаимной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.